

ПЯТЕЖ

ЭС-Э

ДЖОРДЖ ХИЛЛ

История
шпиона
с кодовым
именем
IK8

ВОСПОМИНАНИЯ АГЕНТА БРИТАНСКОЙ СЕКРЕТНОЙ СЛУЖБЫ

**БОЛЬШАЯ ИГРА
В РЕВОЛЮЦИОННОЙ
РОССИИ**

Джордж Хилл

**Воспоминания агента британской
секретной службы. Большая
игра в революционной России**

«Центрполиграф»

1932

УДК 327.84
ББК 84(4)

Хилл Д. А.

Воспоминания агента британской секретной службы. Большая игра в революционной России / Д. А. Хилл — «Центрполиграф», 1932

ISBN 978-5-9524-5837-6

Британский разведчик Джордж Хилл (1892–1968) провел детство и юность в Российской империи, в совершенстве знал русский язык, обладал природным обаянием и изрядной долей авантюризма, что позволило ему стать неуловимым и весьма деятельным секретным агентом британской разведки. В настоящих мемуарах Хилл описывает свою миссию в России в 1917–1919 гг., раскрывает детали рискованных операций, рассказывает о вербовке агентов и создании диверсионных групп, а также о контактах с резидентами британской разведки: Полом Дьюксом, Артуром Рэнсомом и «королем шпионов» Сиднеем Рейли. В книге приведены уникальные свидетельства, в том числе о несостоявшемся заговоре с целью убийства большевистского руководства, что делает ее не только занимательным чтением, но и ценным источником сведений о реалиях той эпохи. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 327.84

ББК 84(4)

ISBN 978-5-9524-5837-6

© Хилл Д. А., 1932

© Центрполиграф, 1932

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	14
Глава 4	20
Глава 5	23
Глава 6	26
Глава 7	30
Глава 8	33
Глава 9	39
Глава 10	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

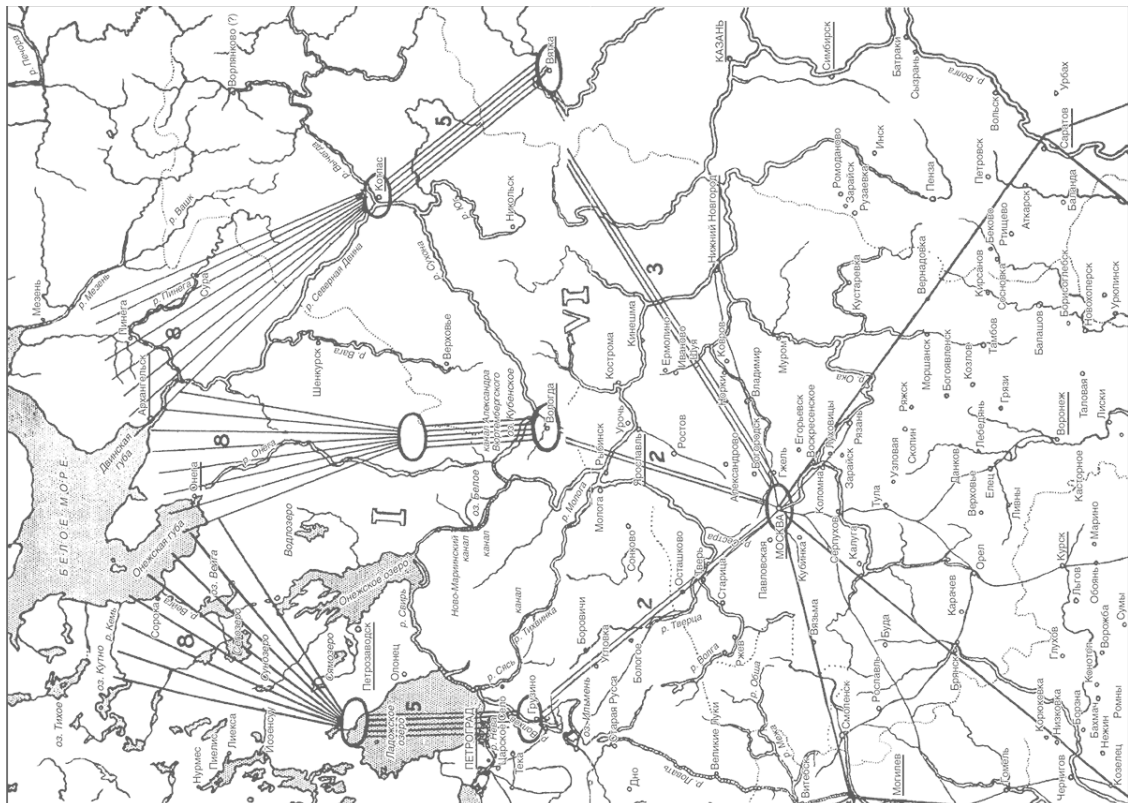
Джордж А. Хилл

Воспоминания агента британской секретной службы. Большая игра в революционной России

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2022

© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф», 2022

***

Маршруты курьерской почты, которые использовали Джордж Хилл и Сидней Рейли с целью передачи разведанных вторгшимся войскам союзников

Глава 1

К слову «разведка» в ходе его употребления, в том числе неправильного, пристало пятно, также ассоциируемое со словом «шпион» и всем, что оно обозначает, причем ассоциируемое незаслуженно, однако это вполне понятно, так как корень этого кроется в страхе перед любопытными глазами посторонних людей, перед незнакомцем в дверях, перед предателем в своем лагере.

Разведка (или шпионаж) – это одно из древнейших занятий в мире, и с течением времени и по причине указанной выше неприязни она настолько окуталась легендами и предрассудками, что считаю необходимым дать определение слов «шпион», «предатель», «агент-provokator» и «патриот», прежде чем приступить к своему рассказу, который почти полностью будет посвящен разведке.

Разведка – это сбор данных, которые дают возможность оценить численность или намерения врага, соперника или оппонента. Это наука, вбирающая в себя множество составных частей. Тайные агенты существуют во всем мире. Помощник зеленщика, который следит за ценами на витрине конкурента, кутюрье, который «крадет» модель у соперника-модельера, театральные плагиаторы, которые воруют идеи своего коллеги и воплощают их в своем проекте, выходящем в свет на неделю раньше, чем тот устроит премьеру, – все эти люди являются шпионами или нанимают шпионов точно так же, как это делают соперничающие государства или народы.

Независимо от того, заключены или нет мирные договоры, разведывательные управления большинства государств по-прежнему стараются выведать секреты своих соседей. Слухи о новом огнестрельном оружии, двигателе для самолетов, новом отравляющем газе или даже устройстве для блокировки или разблокировки самолета приведут к оживлению деятельности разведчиков, предателей и патриотов под защитой патриотов, контрразведчиков, тайной полиции и Управления уголовных расследований Нового Скотленд-Ярда и его аналогов.

Хочу дать определения слов, которые я уже упомянул.

Шпион

Значение слова «шпион» в его прикладном смысле определяется очень точно. Так и должно быть, так как, согласно Гаагской конвенции, в военное время шпион в случае поимки подлежит смертной казни. Лучше процитировать статью 20 Четвертой конвенции, где говорится, что шпион – это человек, который, действуя тайно или под ложными предлогами, получает или пытается получить информацию в зоне боевых действий воюющих сторон с намерением передать ее враждебной стороне. Солдат в военной форме – не шпион. Шпион может быть расстрелян без суда и следствия.

В мирное время шпион – это тот, кто тайно пытается получить информацию о вооруженных силах, вооружении, укрепленных позициях или обороне страны с целью предоставить ее кому-то другому. Шпион в мирное время подлежит не смертной казни, а сроку заключения.

В Соединенном Королевстве Закон о государственной тайне от 1889 г. считает всего лишь мелким правонарушением противоправное получение информации, касающейся Военно-морского флота, сухопутных войск, обороны, военных судоверфей и т. д. Но если такая информация передается или предназначена для передачи иному государству, то это правонарушение становится тяжким уголовным преступлением. В большинстве цивилизованных стран мира существует аналогичное законодательство.

Шпион держит свою жизнь в собственных руках. Его жизнь – сплошной риск, приносящий ему радость или беду. Шпионы на службе Великобритании обычно выполняют свои опасные обязанности из чистой любви к приключениям. Английские шпионы проникали через

Хайберский перевал, замаскированные под афганцев, или слонялись по восточным базарам в одежде местных торговцев, но человеку, сколько бы он ни прожил среди местного населения, трудно с безупречной точностью копировать акцент, привычки, образ мыслей чужого народа, и по этой причине тайный агент снова и снова вынужден прибегать к найму местных жителей. Именно из-за этой части его работы, из-за вынужденной необходимости иметь дело с предателями к слову «шпион» пристало некоторое неприязненное отношение.

Предатель

Предатель – это тот, кто обманывает тех, кто ему доверяет; он неверен своему государю или правительству своей страны. Его преступление называется «измена». Я не рассматриваю в этой книге государственную измену, за которую был осужден и казнен такой человек, как сэр Роджер Кейсмент. Его можно считать предателем или патриотом – это зависит от угла зрения, под которым вы рассматриваете его дело. Обычный предатель просто продает секреты своей страны ради собственной выгоды и очень часто для того, чтобы спасти свою собственную шкуру, так как совершил какой-то проступок. Какими бы ни были его ранг или род деятельности, он являет собой довольно низкий образец человеческой расы.

Агент-provokator

С радостью скажу, что такие люди нечасто встречаются в нашей стране, хотя еще не так давно их (к сожалению, по моему мнению) использовали для того, чтобы добиться осуждения в случаях мелких нарушений существующих законов о торговле спиртными напитками. Полицейский или сыщик в штатском, который надевает белый галстук и жилет и ведет симпатичную женщину в ночной клуб, где под личиной обычного посетителя уговаривает владельца заведения или официанта продать ему и его гостю алкогольные напитки в неположенное время, является обычным агентом-provokatorом.

Но европейский агент-provokator – гораздо более опасный человек. Таких людей использует тайная полиция большинства стран с целью подстрекать студентов, солдат или моряков к незаконным действиям, чтобы таким образом искусственно создавать некие проблемы, раскрывать заговоры или делать так, чтобы люди с определенными политическими наклонностями могли попасть в полицейские сети. Агент-provokator – более смертоносная рептилия, чем обычный предатель, и история мировых революций, и без того связанная с разведкой и тайными обществами, к сожалению, изобилует такими примерами.

Например, поп Гапон – православный священник, который на протяжении многих лет был не только героем для народных масс в России, но и пользовался уважением во всем мире как организатор и лидер «Собрания русских фабрично-заводских рабочих г. Санкт-Петербурга», оказался агентом-provokatorом, работавшим под руководством тайной полиции в тот воскресный январский день, когда мирная делегация была расстреляна на подступах к Зимнему дворцу. Этот воскресный день войдет в мировую историю как Кровавое воскресенье. К сожалению, предательство Гапона было раскрыто слишком поздно, но однажды вечером в начале весны 1906 г. его настигла ужасная судьба в Териоки, Финляндия. Выдающийся революционер Рутенберг сумел заставить его выдать себя во время разговора наедине, в то время как несколько рабочих слушали их, спрятавшись в соседней комнате. Доказательство оказалось ошеломляющим. Гапон был казнен на месте.

Спустя некоторое время я познакомился с одним из казнивших его людей. Он сказал мне, что никто из них до этого не убивал людей и не знал, как это делать. «Гапон, – сказал он, – вертел головой, когда я пытался надеть петлю ему на шею. Он продолжал уворачиваться от нее. В конце концов, я схватил его за волосы и надел ему на шею веревку. Гапон пожаловался, что веревка причиняет ему боль. Я сказал ему: „Привыкай к ней, потому что тебе будет еще больнее, пока не умрешь“». И они вздернули его. После падения царского правительства, когда

архивы охраны были захвачены революционерами, доказательства вины Гапона, скрытые в тайных досье, были обнародованы.

Агенты-контрразведчики – это люди, которые должны сводить на нет действия шпионов. Это форма разведки, требующая самого большого искусства шпионить за шпионами, и те, кто занимаются этой работой, зачастую подвергаются большей опасности, чем сам шпион.

Патриот

Самый лучший тип шпиона – это патриот в наивысшем смысле этого слова, который ради свободы и прав своей страны рискует своей жизнью и жертвует собой, зная, что конец его в случае поимки будет далеко не приятный.

Шпион должен, разумеется, быть знаком с языком, обычаями и мышлением людей, среди которых ему приходится действовать. Он должен быть наделен чрезвычайно гибким умом, способным мгновенно делать выводы и моментально принимать важные решения, обладать неиссякаемым хладнокровием, чтобы вытаскивать свою шею из петли, в которую он будет неоднократно ее засовывать, а также величайшим тактом, терпением и упорством. Он должен иметь память, натренированную на то, чтобы с фотографической точностью запечатлеть лица или документы, и уметь с буквальной точностью передавать содержание последних.

И сверх всего этого он должен обладать организаторскими способностями. То, что можно назвать офисной шпионской работой, вероятно, следует рассматривать через призму привлекательности для общества представления об авантюрном аспекте деятельности тайного агента, но от нее зависит успех самого предприятия. Тысяча и один нюанс должен быть улажен профессиональным тайным агентом, который раздает задания своим помощникам, снабжая их всей жизненно важной информацией, которая доходит до его ушей, при выборе многочисленных мест, где они смогут отчитаться перед ним. Девять из десяти пойманных шпионов попадают под арест и военный трибунал из-за неправильной организации или системы связи.

Кроме того, самая точная и подробная информация ничего не стоит, если она не может быть быстро и эффективно передана туда, где она требуется. В военное время разведчик часто находится во враждебной стране, и вокруг него все линии связи оборваны. Он должен постоянно преодолевать блокаду, которая его окружает и ограничивает, и в процессе этого погибают многие смельчаки.

Умных и результативных агентов редко ловят, *но самых лучших даже и не подозревают.*

Так как я – увы! – не могу утверждать, что меня никогда не подозревали, я удовлетворяюсь знанием того, что так и не был пойман.

Меня так и не поймали! Я говорю это без хвастовства, но с благодарностью. То время, когда я был тайным агентом, стало веселым приключением в моей жизни. Если бы меня поймали, это приключение имело бы далеко не веселый конец.

В молодости я не думал о том, чтобы стать шпионом и оказаться вовлеченным во все драматические и мелодраматические перипетии этой деятельности в военное время. Тем не менее все, что происходило со мной в отрочестве, подготавливало меня к этому роду занятий. Если бы я несколько лет ходил в специальную школу, изучал разведывательное дело как профессию, я не смог бы получить лучшую подготовку, чем дала мне жизнь в юности.

Мой отец был коммерсантом, и его бизнес-интересы простирались через всю Россию, Сибирь и далее Туркестан до Персии. Будучи ребенком, я ездил со своими родителями из Лондона в Гамбург, Ригу, Санкт-Петербург, Москву, на Всероссийскую ярмарку в Нижний Новгород и вниз по Волге до Каспийского моря. Мы задерживались на несколько дней на складах моего отца в Энзалае, а затем ехали на лошадях в Тегеран, по Каспийскому морю в Красноводск, затем по построенной железной дороге в Мерв, в экипаже в Самарканд и на верблюжьих

упряжках в Ташкент; обратно – через Каспийское море в Баку, по кавказским военным дорогам в Батум и через Черное море в Константинополь, а оттуда в Англию.

Со своими родителями я всегда говорил по-английски. Мой отец был английским торговцем-первопроходцем самого лучшего типа, и наша домашняя жизнь была такой же, как и у обычной английской семьи. В нашем доме поддерживались английские обычаи и традиции, и мои родители так и не стали хорошо владеть иностранными языками. А я? Ну, у меня была русская нянька, с которой я говорил по-русски; наш десятник был татарин, с которым я свободно изъяснялся по-татарски; наш кучер был персом, а я часто бегал на конюшню к своему пони. Был еще мальчик, с которым я иногда затевал шумную возню; он был армянином, старше меня на год или два. Как же я завидовал его знанию жизни!

Мои родители, разумеется, не имели ни малейшего представления о том, что мне доводилось слышать в разговорах, которые вели люди на разных языках, а также о том, что я знал об интригах и любовных связях людей, живших вокруг наших складов. Если бы они знали об этом, то меня в раннем возрасте быстро отправили бы в подготовительную школу в Англии.

А так они наняли для меня отличных гувернанток – немку и француженку, и в результате, будучи еще маленьким мальчиком, я свободно владел полудюжиной языков, научился видеть характерные черты и недостатки дюжины национальностей и приспособливаться, что помогало мне на протяжении всей жизни.

Последствием Русско-японской войны 1904–1905 гг. стала первая революция в России, сопровождаемая повсеместно беспорядками и кровопролитием. Она затронула все слои общества. Не было абсолютно никакой политической свободы, а те люди, которые хотели даже самых мягких и консервативных реформ, были заклеены как опасные революционеры. Волнения настолько распространились по России, что начались даже в школах. Школьников использовали для переноски нелегальных газет, различных сообщений, и в знак протеста против закрытия властями университетов многие старшеклассники вышли на забастовку.

В это время я и познакомился со своим первым агентом-provokатором. Это был мальчик, который поддерживал разговор, а затем доносил об услышанных бунтарских высказываниях в полицию. Предоставлю воображению читателя составить мнение о том, насколько мягкими были подстрекательства к бунту в классе, который приблизительно соответствовал английскому пятому классу, но мы обнаружили, что он доносит в полицию, и на следующий день он едва не был убит. В этой школе мы носили ремни из лакированной кожи с очень красивыми и довольно тяжелыми медными пряжками. Нас была дюжина ребят; мы сняли свои ремни и избили медными пряжками несчастного мальчишку, который больше никогда не появился в нашей школе. Школьная администрация и полиция расследовали это дело, но так и не узнали причину избиения.

Грядущие события, говорят, отбрасывают тень наперед, и хотя я сам никогда не был революционером, постоянно общался с революционерами и контрреволюционерами, что дало мне первые знания о разведывательной и контрразведывательной деятельности. Когда я еще учился в школе, у меня был друг-полицейский. Он был не настоящим полицейским, а офицером стрелкового полка и вынужден был оставить службу по финансовым причинам. Он вступил в жандармерию, которая широко занималась политическим сыском в России.

У него была великолепная внешность, и для жандарма он был весьма популярным. Я познакомился с ним на рождественском празднике, который английская колония в Риге ежегодно устраивала для английских моряков, находившихся в это время в порту. Такие праздники всегда были веселыми мероприятиями, которые начинались с обеда и заканчивались хоровым пением; при этом моряки, как правило, обеспечивали три четверти программы. Любимыми песнями были «Солдаты короля», «Дейзи Белл», «Дубовые сердца», «Клементина» и «Она была бедной, но честной». Вечера всегда завершались пением гимна «Боже, храни короля», за которым следовал государственный гимн России. Однако условия в России были

таковы, что нам не разрешалось проводить этот праздник без присутствия на нем жандармского офицера. Так я и познакомился со своим другом. Хотя я и был юн, но обнаружил, что он любит виски, и дважды в неделю приблизительно в то время, которое с тех пор стало временем для коктейлей, он заходил к нам выпить виски с содовой с моим отцом.

Потом я задавал себе вопрос: не могли ли его визиты иметь скрытую цель, не присматривал ли он за нами, чтобы убедиться, что мы не помогаем некоторым из наших друзей-революционеров и не поощряем их.

Однажды утром, прогуливаясь по Калькштрассе, я увидел перед собой широкую спину моего друга-полицейского, который совершал свой обычный обход. Он всегда проходил по Калькштрассе в это время, и я ускорил шаг, чтобы догнать его. Прежде чем я поравнялся с ним, из дверей перед ним внезапно вышли двое мужчин. Правая рука моего друга внезапно дернулась в кармане, послышались два резких и пронзительных выстрела, и двое вышедших из дверей мужчин упали на тротуар. Затем прозвучал страшный взрыв, и я побежал, как заяц. Я знал, что мой знакомый жандарм застрелил их, но взорвался ли он вместе с бомбой или нет, понятия не имел. К тому времени, когда ко мне вернулось самообладание, на обоих концах улицы уже была полиция; я пошел домой и все рассказал.

Вообразите себе мое удивление, когда в обычное время тем вечером мой жандарм явился к нам в дом, отдал служанке пальто и саблю и беспечно вошел, чтобы выпить свой виски с содовой.

Мы болтали обо всем на свете, но он ни словом не упомянул об утреннем происшествии, так что, пока он разговаривал с моим отцом, я выскользнул из комнаты в вестибюль и осмотрел его пальто. На нем действительно были две опаленные дырки от выстрелов через подкладку кармана.

Затем я вернулся и вступил с ним в разговор. Его организация шла по следу двух нигилистов – известных убийц, которые приехали в Ригу специально для того, чтобы убить генерал-губернатора. Если бы он помешкал, чтобы вытащить из кармана свой револьвер, и не выстрелил из него прямо из кармана, то погиб бы от взрыва бомбы.

Убийства, в том числе по политическим мотивам, и вооруженные налеты на улице были обычным делом в период между 1905 и 1907 гг. К нашему дому примыкали очень большие складские помещения, и однажды ночью, возвращаясь из порта, где мы провожали в Англию корабль, погрузка которого проходила очень поздно, внезапно увидели нашего бригадира Павла Спиридонова, повешенного на неиспользуемом фонарном столбе как раз напротив дверей нашего дома. Ночь была очень холодная. На земле лежал снег. Труп висел на колючей проволоке, и под болтающимся телом бедняги виднелась небольшая лужица крови. К его груди была приколоты записка с одним-единственным словом: «Провокатор».

Тем летом мы с отцом отправились по Волге, как обычно, в Персию. После того как прошли Казань, на корабле произошла моя первая встреча с британским разведчиком майором И.

За нашим столом напротив нас сидел высокий коммерсант-немец. При нашей первой встрече мы поклонились ему, как этого требует европейский этикет, и он поднялся с места и представился в немецкой манере.

При второй встрече внимание моего отца внезапно привлекло то, что этот немец совершенно бессознательно сделал масонский знак. Мой отец поймал взгляд немца и сделал такой же знак в ответ. Это привело к тому, что между ними установились дружеские отношения, и мы узнали, что наш попутчик-немец едет в Барфоруш, где у нас был склад.

Когда мы уже были далеко в Каспийском море, наш немецкий друг доверительно сообщил моему отцу, что на самом деле он англичанин и находится на особой службе. Он доверился моему отцу, потому что в Барфоруше ему нужно было место, где он мог бы остановиться и откуда мог бы исчезнуть в ином обличье.

Это случилось как раз перед заключением российско-английского договора о Персии. И Великобритания, и Россия засылали разведчиков на территорию друг друга, и между двумя странами царил враждебность.

Майор И. остановился в нашем доме на несколько дней, а затем одним поздним вечером слугам было сказано, что он уезжает. Его вещи были упакованы, и он уехал в направлении Тегерана. На следующую ночь в очень поздний час он проскользнул обратно в наш дом после того, как слуги улеглись спать, и наутро степенный перс с обритой головой отправился в Мерв, откуда, как я полагаю, он выехал, переодевшись в афганца. Все те шесть дней, которые он пробыл с нами, мы чувствовали, что реально помогаем Британской империи, и волнение от оказания помощи британскому тайному агенту давало нам с отцом ощущение счастья еще много дней.

Глава 2

«Максим Горький в городе!» – этот будоражающий слух облетел университеты и отозвался среди старшеклассников. Максим Горький, повествовавший о русской жизни, герой того времени, человек из народа, знавший подноготную жизни, умел писать о ней волшебным образом. Максим Горький был в Риге. Как мне ненавистна была мысль о возвращении в школу в Англии в такое время, так как рано или поздно если он действительно был в Риге, то должен был появиться в доме одного из наших друзей.

В предыдущие месяцы интеллектуальная Россия бушевала, когда стало известно, что Максим Горький брошен в застенки Петропавловской крепости. Он уже несколько лет работал с социал-демократами и попал в тюрьму по дурацкой причине: он был членом полномочной делегации, которая представила царским министрам петицию о проведении политической реформы. Несправедливость приговора терзала его поклонников.

Одно или два письма, посланные писателем своей жене, получили хождение в узком кругу, но все в стране ожидали вестей о его освобождении и жаждали услышать о том, что он пережил.

Наш дом был открыт для всех англичан, которым случалось посещать этот город, и рано или поздно большинство проезжавших приходило к нам на чай, обед или ужин. Среди таких случайных визитеров был один английский журналист, который терпеливо ожидал в Риге уже несколько дней. Никто точно не знал, зачем он сюда приехал.

Однажды мы ожидали его к обеду, но в последнюю минуту он позвонил по телефону и выразил свое сожаление по поводу того, что не может прийти. Это сообщение принял я. Он спросил, нет ли у меня, случайно, фотоаппарата, и я ответил, что у моего отца он есть.

– Как ты думаешь, может он принести его немедленно в гостиницу «Коммерциаль»? –

Я отнесся к этой просьбе довольно прохладно. Возможно, я был разочарован тем, что наше знакомство не состоится, так как я хотел рассказать ему слухи о Максиме Горьком.

Я сказал:

– Полагаю, он может сделать это, как только пообедает. Кстати, ходят слухи о том, что в городе находится Максим Горький.

– Я знаю, – сказал этот удивительный человек. – Я сейчас вместе с ним. Никому не говори, но именно поэтому мне и нужен фотоаппарат.

Я чуть в обморок не упал.

– Мы будем через десять минут.

Бросив телефонную трубку, я ринулся к своему отцу.

Мы не стали ждать обеда, а схватили фотоаппарат и поехали в санях к гостинице «Коммерциаль».

Весна в тот год была ранней. Оттепель уже началась. Над городом висел легкий туман, а снег выглядел грязным. Железные полозья саней скрежетали по булыжникам мостовой, которые уже появлялись в желтой снеговой каше. Все это я отчетливо помню и по сей день, а также то, как от волнения билось мое сердце при мысли о встрече с Максимом Горьким.

Он остановился в номере 7 гостиницы «Коммерциаль» под вымышленным именем. Мы обнаружили нашего друга-журналиста и писателя пьющими чай из стаканов. На столе стоял тихо булькающий самовар; они ели клубничное варенье из маленьких стеклянных блюдец и время от времени отрезали толстые ломти черного хлеба.

Горький так обедал. Накануне он вышел из тюрьмы в Санкт-Петербурге. Он провел час со своей женой и узнал, что с высокой степенью вероятности его могут заново арестовать по дополнительному обвинению, и это могло бы означать его ссылку в Сибирь. С целью избежать этого друга устроили ему поездку в Ригу, а оттуда Горького должны были тайно переправить

в Германию. Наш друг-журналист сильно симпатизировал социал-демократам, и поэтому ему было известно о передвижениях Горького.

Ко времени нашего приезда Горький уже рассказал нашему другу обо всем, передал ему несколько писем и сделал наброски своей камеры и тюремного двора, в котором он занимался гимнастикой.

Эти письма, написанные Горьким в тюрьме, безусловно, были прочитаны тюремной администрацией, а также проверены на наличие тайнописи с помощью смеси с цианидом, которая проявила бы любые невидимые чернила.

Наш друг-журналист боялся отправлять оригиналы писем из страны, так как если бы они попали в руки цензора, то наверняка были бы изъяты и уничтожены. Вот почему ему понадобился фотоаппарат.

Горькому тогда было лет тридцать семь, хотя выглядел он гораздо старше. У него была копна волос, которые постоянно спадали ему на лоб, и он запрокидывал голову, чтобы убрать их с глаз. На мой взгляд, у него были самые печальные глаза, которые я когда-либо видел. Около часа он рассказывал нам о своем пребывании в тюрьме. Он планировал жить за границей и вести активную антимонархическую деятельность. Мы пообещали ему никому ничего не говорить, пока не пройдут двадцать четыре часа после того, как он пересечет границу. В тот же вечер он должен был незаметно выехать к границе, где его ожидали друзья, чтобы тайно переправить через нее.

Горький благополучно скрылся и в конечном счете поселился на острове Капри. Я не видел его тринадцать лет к тому моменту, когда мы встретились с ним в Петрограде при совершенно других обстоятельствах.

Итак, мы вчетвером сфотографировали документы прямо в номере 7 гостиницы «Коммерциаль». Теперь встал вопрос: как нам переправить эти фотографии в Англию? Цензура была такой строгой, что невозможно было и думать об использовании почты как средства доставки, а нашему другу-журналисту нужно было повидаться с кое-какими другими людьми до своего возвращения в Англию.

В начале этой главы я написал, что должен был возвратиться в Англию, чтобы учиться в школе. Я приехал в Ригу на рождественские каникулы, но заболел и должен был вернуться в конце учебной четверти. Мы решили, что лучше всего будет, если я провезу эти фотографии в своем цилиндре.

Когда снимки были проявлены, а фотографии готовы, подкладку моей шляпы аккуратно сняли, поместили внутрь фотоснимки, вернули подкладку на место и плотно подклеили.

Я всегда крайне отрицательно относился к цилиндру, потому что в нем мне было некомфортно, а моему космополитичному уму он казался идиотской формой головного убора. Но после того как я благополучно пересек границу в Вирбаллене (в настоящее время населенный пункт Вирбалис в Литве. – *Пер.*) и спешно направился в Англию, я переменял свое отношение к нему и много лет хранил его по сентиментальным причинам.

Я был очень молод и, естественно, жаждал рассказать друзьям в Англии о своем приключении и о том, как фотографии попали в «Иллюстрейтед Лондон ньюз», но уже тогда знал, что в игре, в которой я столь случайно поучаствовал, молчание – золото. И даже когда она благополучно завершилась, о ней не рассказывают.

Глава 3

Я находился в России, будучи английским предпринимателем, и, хотя меня больше всего интересовали политические события и я сильно симпатизировал сторонникам политической реформы, не вмешивался в политику страны пребывания. В конце концов, я был всего лишь приезжий, пусть и постоянно находившийся в стране. Тем не менее невозможно было время от времени не оказываться вовлеченным в какие-либо политические дела. В России не было политиков или либералов английского типа. Дума была создана более или менее по западному образцу, но большинство политических лидеров были скорее идеалистами и студентами-философами, нежели государственными деятелями-практиками.

Одним из моих больших друзей в бизнес-среде был господин Б. – богатый еврей-коммерсант из Санкт-Петербурга, в доме которого я останавливался всякий раз, когда приезжал в столицу. Он был пожилым бездетным человеком, тяжело переживавшим последнее обстоятельство. Он и его брат были последними в своем роду и остро переживали, как все евреи, тот факт, что после них не останется наследника мужского пола. У брата была дочь Соня, которая училась в Санкт-Петербургском университете и была обожаема отцом и дядей. Любопытно, что, хотя я постоянно навещал господина Б., ни разу не встретился с его племянницей.

Обычно мы обедали часа в четыре. На столе стояли: водка в ведерке со льдом, самая лучшая икра, копченый осетр и чесночная колбаса, за которыми следовали несколько блюд русской кухни. На мой взгляд, его повар готовил самый лучший борщ, который я когда-либо пробовал, и к нему неизменно подавался мясной пирог в форме кольца.

Как правило, когда я приезжал в этот дом, хозяин стоял в дверях своего кабинета с широкой гостеприимной улыбкой на лице; он потирал руки и говорил: «Пойдем, пойдем! Готовы все твои любимые блюда!» И мы шли скорее как два закадычных друга, нежели как старый и довольно толстый еврей и очень молодой англичанин. Но однажды, когда я приехал, он встретил меня с белым испуганным лицом, и по его щекам текли слезы.

– Соня арестована, – проговорил он, задыхаясь. – Она в Шлиссельбургской крепости.

Оказалось, что Соня, учась в университете, вступила в социал-революционную организацию, и ей угрожала обычная последовательность событий: исключение из университета, полицейский суд и высылка в Сибирь. Что еще хуже, хотя она вступила в мирную секцию социал-революционной организации, каким-то образом общалась, более или менее зная об этом, с ее террористической ветвью.

Я еще никогда в жизни не видел человека, настолько сломленного горем.

Спустя несколько недель предпринимаемых попыток подкупа он и его брат, в конце концов, сумели вытащить Соню из тюрьмы под залог в две тысячи фунтов стерлингов. Эта сумма дает некоторое представление о серьезности обвинений, выдвинутых против нее властями. Минимальным наказанием стала бы ссылка в Сибирь на пять лет.

Ее дядя и отец не беспокоились о двух тысячах фунтов стерлингов. Все, чего они хотели, – это вывезти Соню из страны.

Я не был знаком с Соней, но мог ли я, будучи приличным человеком, отказаться помочь другу в таком положении?

Я часто ездил по делам из Риги в Штеттин и, как правило, старался совершить это двухдневное путешествие на одном и том же корабле. По-моему, он назывался «Регина» и принадлежал шведской компании. На нем был прекрасный капитан, но я также был в дружеских отношениях с офицерами и механиками этого корабля. Этот корабль был на самом деле торговым судном, но на нем имелось место для четырех-пяти пассажиров и крошечная каюта люкс – помещение с двумя кроватями, а также ванная комната и уборная; эту каюту я всегда бронировал для себя.

Я решил попытаться вывезти Соню тайком на этом судне.

Ее паспорт, без которого она не могла официально покинуть Россию, был конфискован полицией. Даже если бы она смогла достать фальшивый паспорт (а такое было довольно распространено в те времена), риск поездки с ним был бы огромен, так как ее подробное описание было бы разослано всем пограничным постам.

Было решено, что на автомобиле ее перевезут из Санкт-Петербурга в Ригу, где она остановится на ночь в нашем доме. А затем я должен был попытаться тайно вывезти ее на «Регине».

Мой план был довольно прост. В тот год я уже совершил, наверное, семь или восемь поездок на «Регине» и был, разумеется, хорошо знаком портовым властям, обязанностью которых было обыскивать сверху донизу все отплывающие корабли. Этот обыск был таким тщательным, что у занятых в нем людей имелись длинные железные пруты, чтобы шарить ими в вентиляционных коробах, спасательных шлюпках, рундуках и кладовках.

Русские – милые люди, и одной из их радостей являются проводы в путь или поездки в порт или на вокзал с целью встретить друзей. Не имеет значения, как часто я уезжал за границу, но всегда находилось полдюжины людей, чтобы проводить меня в дорогу с корзинками фруктов, букетами цветов, шоколадками и всевозможными странными милыми подарками. Была традиция приезжать по крайней мере за час до отъезда поезда или отплытия корабля и устраивать настоящую вечеринку, и, боюсь, я очень часто разочаровывал своих друзей, потому что у меня была, на их взгляд, плохая привычка приезжать к кораблю или поезду за несколько минут до отправления. Но тем не менее они всегда приезжали и развлекали друг друга в ожидании моего прибытия.

Когда корабль должен был отплывать, все люди, которые приходили проститься с его пассажирами, сходили на берег, и сходни поднимались, прежде чем начинался осмотр корабля.

Мой план состоял в том, чтобы Соня оказалась среди тех, кто придет меня провожать. Я спрячу ее в ванной комнате и так или иначе не дам обыскивающим зайти туда.

Соня приехала, она оказалась очаровательной девушкой небольшого роста, с черными как смоль волосами, чудесным персиковым цветом лица и голубыми глазами. Такое сочетание время от времени встречается у российских евреек. У нее были приятная улыбка, очень красивые ровные зубы и изящные руки. Я полностью отдал ей свое сердце. Полагаю, я боялся увидеть строгую, высоколобую, в чем-то дефективную еврейку-революционерку.

Все шло по плану. В моей каюте сильно шумела компания приблизительно из десяти человек. Кто-то привез ящик шампанского. Главный стюард с усмешкой сказал, что с меня возьмут плату за откупоривание бутылок, и я дал ему бутылку с наказом выпить ее в буфетной, предложить также выпить портовым чиновникам и попросил разрешить моим провожающим находиться в моей каюте до самого последнего момента.

Я попросил своих гостей сделать мне одолжение и не ждать отплытия корабля (по счастью, шел дождь), а уехать сразу же, как только они сойдут на берег; и они пообещали мне так и сделать.

Гудок корабельной сирены был предупреждением посетителям о необходимости сойти на берег. Стюард пришел с одним из портовых служащих, чтобы сказать, что мои гости должны покинуть меня, и после быстрого тоста они гуськом потянулись к выходу. Соня осталась. Последнему гостю я сказал, что поднимусь на палубу сию минуту, и закрыл ее в ванной комнате. Между ванной и сиденьем унитаза выступала железная перегородка, и Соня распласталась на стене позади нее. Она сильно побледнела. Я сжал ее руку. Она была холодна как лед. Я прошептал: «Возьмите себя в руки!», и в ее глазах мелькнула решимость.

Я закрыл дверь в каюту и вышел на палубу, чувствуя себя не очень хорошо, так как если бы меня поймали, то даже мой английский паспорт не спас бы меня от неприятного срока тюремного заключения и, возможно, продолжительного визита в Сибирь.

Я помахал рукой своим отъезжающим друзьям, которые, будучи верны обещанию, расаживались по экипажам. Затем прошел на корму, где наткнулся на совершавших обыск служащих; пожал руку одному из них, с которым был немного знаком, и получил от них благодарность за то, что мне в голову пришла чудесная мысль послать им бутылку шампанского.

Затем я неспешно прогулялся до салона, в который открывалась дверь моей каюты. Через иллюминатор я мог видеть приближающуюся группу обыскивающих. Я проскользнул в свою каюту, оставил дверь открытой и прошел в ванную комнату.

Не закрывая дверь в санузел, я распорядился соответствующим образом своей одеждой и сел на сиденье унитаза. Казалось, что прошел целый час, но на самом деле не более двух-трех минут, прежде чем в дверь моей каюты легонько постучали (а ее, как вы помните, я оставил открытой) и вошли служащие, производившие обыск. Они окинули взглядом каюту и, как я и предполагал, подошли к двери ванной комнаты и открыли ее. Я сразу же обнаружил себя и захлопнул дверь, а затем, как будто в спешке, подошел к двери во все еще расстегнутой одежде и встал в дверном проеме. Чиновники всячески извинялись, а я с улыбкой ответил: «Все в порядке. Мне следовало бы запереть дверь». Затем я не торопясь повернулся, вытащил затычку из раковины, несколько напоказ надел свои подтяжки, потом вышел в каюту и предложил им еще выпить. Мы открыли последнюю бутылку шампанского, залпом выпили каждый по бокалу, и они ушли.

Но опасность еще существовала, так как всегда была возможность появления другой инспекции в устье реки в местечке под названием Болдерая.

Было крайне важно, чтобы капитан не заподозрил, что Соня – политическая беженка, так как, каким бы доброжелательным человеком он ни был, было бы уж слишком подвергать такому риску его команду. Поэтому я заранее придумал историю о том, что мы любим друг друга и что она тайком убежала от своих родителей, чтобы быть со мной.

Мы миновали Болдераю, и, так как весь мир благоволил влюбленным, мой друг-капитан, его помощник и первый механик теперь ухмылялись, дружелюбно глядя на нас двоих, и говорили нам, что мы – парочка больших грешников. В тот вечер у нас был веселый ужин.

Соня до этого ни разу в жизни не путешествовала на корабле и поэтому была сильно возбуждена и заинтересована; казалось, она совершенно забыла об опасности, которой подвергалась.

Но я никогда не забуду смущение этой очаровательной девушки, когда пришло время ложиться спать. Все ее знания о жизни исчезли, исчезла и решительная юная революционерка; она была всего лишь очень застенчивая испуганная юная девушка. Я предложил ей первой лечь в постель, а когда вошел в каюту, увидел, что она лежит, натянув простыню до самого носа, а два ее голубых глаза испуганно смотрят на меня. И я был такой скотиной, что громко заржал. Я зашел в ванную комнату, переоделся в пижаму и лег на вторую кровать.

Самая комичная ситуация возникла на следующее утро, когда капитан постучал в нашу гостиную и вошел, чтобы справиться о нашем здоровье. К своему смятению, он увидел, что две кровати стоят отдельно, будучи привинченными к палубе. Он извинился перед Соней и сказал, что на вторую, последнюю, ночь он велит корабельному плотнику временно привинтить одну кровать рядом с другой. Он говорил это очень по-доброму.

Несколько лет я писал Соне, но с началом войны потерял ее из виду.

Однажды вечером, чуть более чем за год до войны я сел в Северный экспресс на железнодорожном вокзале на Фридрихштрассе в Берлине, чтобы отправиться в Россию, и обнаружил в своем купе попутчика. Мы поклонились друг другу и представились. Я заметил, что у него немецкое имя, однако внешность – больше славянская, нежели тевтонская. Как правило, в поездах очень легко завязываются разговоры с незнакомыми людьми, но этот человек молчал, был сдержан и, по-видимому, очень нервничал.

Я сходил в вагон-ресторан, чтобы выпить, а когда возвратился, обнаружил, что наши койки застелены для сна. Мой попутчик стоял в коридоре и выглядел еще более взволнованным, чем раньше. Внезапно он спросил меня, какой я национальности, и мне показалось, что он испытал облегчение, когда я ответил, что англичанин. Некоторое время спустя пришли билетные контролеры. Мой попутчик делал над собой колоссальные усилия выглядеть спокойным, но не было никаких сомнений в том, что это дается ему с огромным трудом. Сначала я подумал, что, возможно, он пытается проехать без билета, но не это было причиной его беспокойства, так как он представил свой билет, который был должным образом прокомпостирован.

Потом я заметил мужчину, который два или три раза прошел взад-вперед по коридору и каждый раз, проходя мимо нашего купе, бросал в него взгляд. Мой попутчик снял сверху свой саквояж и пошел умываться. Поезд замедлил ход, подъезжая к станции. Замеченный мной мужчина снова шел по коридору. Поезд остановился. Он заглянул в наше купе, и, когда увидел меня одного, его поведение изменилось. Он поднял глаза на полку. Саквояжа моего попутчика на ней не было. Он почти крикнул мне: «А другой господин сошел с поезда?» Прежде чем я ответил, что не знаю, спрашивавший ринулся на платформу. Почти одновременно с этим мой попутчик вернулся, и поезд тронулся в путь на север. После следующей остановки пришли охранник и поездной контролер и попросили нас предъявить билеты. Это было необычно, и к этому времени я был уже в полной уверенности, что мой попутчик находится под наблюдением.

Моя полка была нижней. Я выключил свой ночник, и прежде чем погрузился в сон, ночник на верхней полке тоже погас. Я просыпался каждый раз, когда поезд останавливался, и каждый раз замечал в зеркале, висевшем над рукомошкой, огонек сигареты. Не думаю, что мой попутчик хоть на минутку сомкнул глаза в ту ночь.

Около шести утра, как раз перед рассветом, я вышел из купе. Какой-то человек стоял в коридоре, опершись на поручень, в дальнем конце вагона. Он явно наблюдал.

Казалось, настроение моего попутчика улучшилось к завтраку. Мы вели непринужденную беседу, и я мимоходом упомянул о том, что произошло накануне вечером. На его лице промелькнул испуг.

– Вы видели этого человека сегодня утром? – спросил он как бы между прочим.

– Нет, – ответил я, – но у меня такое чувство, что один из нас под наблюдением.

Мой попутчик, похоже, взял себя в руки и улыбнулся мне.

– Нет, – ответил он, – не думаю, что такое возможно.

Он закурил еще одну сигарету. Я начал читать новый роман от Таухница.

Некоторое время спустя мой попутчик стал рвать какие-то бумаги на мелкие клочки и, открыв окно, рассеял их вдоль железнодорожных путей. Из своего саквояжа он достал еще бумаги, в которых я узнал какие-то калькированные чертежи, и с явным сожалением уничтожил и их тоже. Он делал это без спешки, и, так как у меня не возникло никаких подозрений, мне не следовало обращать на его действия никакого внимания.

Мы проехали Гумбиннен (современный город Гусев в Калининградской области. – *Пер.*) и через несколько минут должны были прибыть в Эйдкунен (современный поселок Чернышевское в Калининградской области. – *Пер.*) – на последнюю станцию в Пруссии и пограничный пост, чтобы дальше ехать в Вирбаллен (современный Вирбалис в Литве. – *Пер.*) в России.

Человек, который стоял в коридоре с самого утра, подошел к нашему купе как раз тогда, когда поезд въехал на станцию. «Господа, вас ожидают в комендатуре». И хотя моя совесть была чиста, как выпавший снег, я почувствовал себя неудобно. Так всегда бывает в подобных ситуациях. Я сразу же спросил почему, и в ответ было сказано, что мне сообщат об этом в должный момент. Когда мы вышли из вагона, нас окружили детектив и двое железнодорожных полицейских, и нас вместе с вещами сопроводили в комендатуру.

Типично прусский забияка (полагаю, эта конкретная порода людей уже почти вымерла) потребовал у меня паспорт. Я вручил ему его.

– Он явно поддельный, – грубо сказал он, а я уверил его, что паспорт абсолютно подлинный.

Он сказал то же самое и о немецком паспорте моего попутчика, который просто заметил, что пользуется им уже много лет.

– Возможно, – ответил пруссак, – но нам известно, что он поддельный.

Потом он стал меня допрашивать. Мне было нетрудно ему отвечать, но из-за его грубости и симпатии, которую испытывал к своему попутчику, я ничего не рассказал ему о бумагах, которые тот уничтожил на моих глазах и выбросил в окно.

– Вас будут обыскивать, – сказал пруссак.

Я выразил протест, но все было бесполезно, и специалист своего дела обшарил руками мою одежду. Не знаю большего унижения, чем то, когда вас подвергают обыску. Вы абсолютно беспомощны и неизменно вспоминаете о мелких личных вещах, которые вы забыли уничтожить и которые находятся в вашей записной книжке или внутреннем кармане, и теперь любопытные глаза читают ваши сокровенные тайны.

Я услышал звонок, предупреждающий об отходе поезда в Россию, и сказал, что мне непременно нужно уехать на нем. Комендант лишь взглянул на меня.

– Я арестован? – спросил я.

Он покачал головой.

– Вы лишь задержаны для досмотра. Мы обыщем ваш багаж. Дайте ключи.

И они открыли мой гладстоуновский саквояж (небольшой чемоданчик на жесткой раме, который может разделяться на две равные секции; сумка получила название в честь Уильяма Эварта Гладстоуна, четырехкратного премьер-министра Великобритании. – *Пер.*). Это было прекрасное хитроумное кожаное изобретение в полотняном чехле. Почему «гладстоуны» вышли из употребления, я как путешественник не знаю, так как они были самыми удобными сумками для перевозки вещей и, на мой взгляд, гораздо более эффективными, чем современные чемоданы. С моим попутчиком обращались точно так же, как и со мной, но он не сильно протестовал. Судя по вопросам, которые мне задавали, я понял, что меня подозревают в том, что я его помощник.

Комендант досматривал нас около часа. Я заявил, что хочу видеть британского консула, и мне было сказано, что ближайший британский консул находится в Данциге. Нам сказали, что нас будут допрашивать через час, а пока если мы хотим, то можем перекусить за свой счет.

На минутку меня и моего попутчика оставили одних, и он на русском языке поблагодарил меня за то, что я ничего не сказал коменданту о нем, и добавил с огоньком в глазах: «Я рад, что уничтожил эти бумаги».

Позже нас повели на дальнейший допрос. Вперед вышел детектив и тщательно обыскал мой саквояж. Его содержимое было уже расстелено на полу, но теперь он прощупывал руками швы саквояжа и простукивал его дно, а также ощупывал подкладку. Затем он сделал небольшой надрез и запустил в него длинный стальной штырь для досмотра его кожаных боковин. Он делал это очень умело и практически не причинил никакого вреда саквояжу.

Увы, по лицу своего попутчика я понял, что с ним все было кончено. Как только детектив начал шуровать в его сумке, он нашупал бумаги. Сумка была распорота буквально на части, и были найдены документы. Тогда мой попутчик был официально арестован по обвинению в шпионаже и отправлен в крепость Торунь для суда.

К этому моменту комендант, очевидно, уже убедился в моей невиновности и через час получил телеграммы и из Берлина, и из Санкт-Петербурга с подтверждением моей хорошей репутации.

С многочисленными извинениями меня заселили как гостя правительства Германии в местный отель.

На следующий день я сел в Северный экспресс. Перед отъездом я купил экземпляр кёнигсбергской газеты и нашел в ней короткую заметку о том, что накануне с Северного экспресса были сняты и арестованы два подозреваемых шпиона.

Но в газете была ошибка.

Был арестован только один шпион.

Глава 4

Когда началась война, я находился на севере Британской Колумбии (провинция Канады. – *Пер.*), где рыбачил на реке Скина, что находится на расстоянии около двадцати миль от портового города Принс-Руперта, и, как и большинство мужчин, поспешил вступить в армию. Через неделю я уже проходил подготовку в Уиллоуз-Кэмп, город Виктория. В этом лагере подобрались замечательные люди, которые менее чем через год прославили такие подразделения, как 16-й канадский шотландский и 30-й канадский батальоны на британском фронте.

Мы были экипированы в Эскимальте, но по-прежнему была огромная нехватка униформы. Я человек невысокого роста и очень широк в плечах, а интендант дал мне форму, предназначенную для мужчины около шести футов ростом; и в этой неподходящей экипировке, к своему стыду, мне пришлось отправиться назад в Уиллоуз-Кэмп. Как только закончился смотр, я со всех ног побежал к местному портному, чтобы он перешил ее на меня. Фактически большинство из нас сами обеспечили себя униформой – что было, безусловно, против правил – и тратили свои деньги на всевозможную бесполезную экипировку. Тут я познакомился с первым шпионом военного времени.

Один коммивояжер открыл новую военную лавку. Он часто приезжал в лагерь и уезжал из него, поэтому попал под подозрение. В конце концов это дошло до ушей лагерного начальника военной полиции, и он установил за коммивояжером слежку. Конечно же, выяснилось, что он был американцем немецкого происхождения, работавшим на германскую разведывательную организацию в Сиэтле. Благодаря счастливой случайности меня выбрали для проведения набора в Канадский полк легкой пехоты принцессы Патрисии, и я уже был на пути во Францию, прежде чем судьба американского коммивояжера была решена.

Благодаря знанию языков я стал полноценным переводчиком, как только мы прибыли во Францию. Оформлять ордера на постой, иметь дело с разгневанными сельскими жителями, покупать продовольствие у скупых лавочников не доставляло мне большого удовольствия. Но мне было чрезвычайно интересно допрашивать пленных и изучать их документы, записывать сказанное ими и по маленьким кусочкам информации складывать целую картину, как мозаичную головоломку.

Канадцы сражались у деревни Нёв-Шапель, а в Лавенти неподалеку от местечка Эстер я впервые увидел, как в военное время был пойман с поличным шпион.

Он был обычным французским крестьянином, предателем, подкупленным врагом и используемым в качестве почтового отделения, то есть он не был нанят для того, чтобы активно добывать информацию, а просто принимал сообщения, которые привязывал к почтовым голубям, и отправлял их немцам через линию фронта, когда на берегу никого не было.

Он находился под подозрением несколько дней, потому что его постоянно видели в местах, где ему незачем было находиться, но у него всегда имелось наготове какое-нибудь оправдание: то он искал отбившуюся от стада скотину, то собирал хворост, то разыскивал еще что-то.

Гражданское население в зоне боевых действий создавало огромные трудности для военных властей, но было вполне естественно, что люди не хотели покидать свои дома, если их к этому не принуждали. Странно было видеть, как крестьянин стоически пахал свое поле, когда снаряды со свистом проносились над его головой и взрывались вокруг него.

Мы были расквартированы на ферме этого шпиона. Однажды вечером, когда он вернулся на свою ферму, его остановили и нашли голубя, припрятанного в его пальто. Он был посажен под арест и, разумеется, знал, что обречен. Канадцы передали его французским властям, которые, полагая, поступили с ним должным образом.

Произошла ужасная сцена, прежде чем его увели. Его жена и сестра, вероятно, прекрасно знали о его предательстве, и их плач слышался еще долго после того, как этого человека забрали.

В начале апреля мы подошли к Ипрскому фронту, и меня полностью заняли разведывательной работой. Приблизительно в середине месяца наша дивизия заняла позицию вокруг Сен-Жюльена. В любой момент мы ожидали нападения, и нам было чрезвычайно важно знать, идут ли к нашему противнику подкрепления. Так как мое знание немецкого языка было довольно приличным, то ночь за ночью я проскальзывал между боевыми порядками, чтобы послушать, что говорят немцы в своих окопах. По акценту можно было отличить баварцев от саксонцев, и если мы знали, что тот или иной участок фронта держат баварцы, но внезапно либо баварцы исчезали, и их заменяли саксонцы, либо баварцы и саксонцы сидели в окопах вместе, то, сложив два и два, через некоторое время можно было сделать вывод, прибыли ли уже подкрепления и укрепляют ли данный участок фронта с целью подготовки наступления.

Это было нервирующее занятие – пробираться по ничейной земле – и довольно страшное, потому что на протяжении нескольких месяцев там периодически шли бои на всех этих набухших водой, зловонных грязных полях, по которым я ползал. Однажды ночью, когда я крался в кромешной тьме, моя правая рука коснулась чего-то и с отвратительным хлопاً звуком окунулась в осклизлую массу. Это оказалось тело бедняги, которое уже несколько недель лежало там.

В другую ночь, когда я был уже близко к немецким окопам, у меня спросили пароль, а вслед за этим в меня полетела ручная граната. В результате – раздробленная коленная чашечка. Но удача была со мной: меня нашли наши патрульные и оттащили назад к своим. Я пришел в себя, лежа на носилках. Взглянул на свои ноги, и ужас объял меня. Когда я заполз на ничейную полосу, на мне был надет клетчатый гордонский шерстяной килт, так как я к этому времени был приписан к Канадской шотландской бригаде. Но теперь на носилки был наброшен сифортский килт. Конечно, килты были перепутаны на одном из передовых перевязочных пунктов, но тот факт, что на мне надет килт не того образца, волновал мой находившийся в полубреду мозг гораздо сильнее, чем моя рана.

Несколько недель спустя я был комиссован и после приятно проведенного периода выздоровления получил должность сотрудника разведки в Военном министерстве. Затем, когда я окреп и снова уже мог ходить, меня отправили на Восточное побережье заниматься контрразведывательной деятельностью. В этот период не происходило ничего особенного, что было бы связано с моей работой, но я постигал азы, и знания, полученные в течение тех шести или семи недель, основательно познакомили меня с контрразведывательной службой.

Телеграмма вызвала меня назад в Военное министерство, куда мне было приказано явиться в определенную комнату.

– Господин Хилл, – обратился ко мне человек в штатском с самыми кустистыми бровями, которые я когда-либо видел у мужчины, – вы говорите по-русски?

– Да, сэр, – ответил я, и по моей спине пробежала теплая волна. Я очень хотел поехать в Россию, и для меня этот вопрос мог означать только то, что меня отправят на тот фронт.

Но у руководства были иные планы, так как доктор Росс (позже сэр Эдвард Денисон Росс, директор Института востоковедения) – этот джентльмен в штатском – сказал:

– Тогда будьте добры выучить за месяц болгарский язык.

И мои надежды рухнули.

На протяжении последующих четырех недель я упорно занимался в Военном министерстве с преподавателем болгарского языка и одновременно проходил специальный курс разведывательной работы. Это был очень основательный курс. Специалисты из Скотленд-Ярда читали мне лекции о том, как вести слежку и выявлять слежку за собой. Меня обучали методам

использования невидимых чернил. Я усваивал систему шифрования и все уловки, полезные для тайных агентов.

В то время случилось так, что один британский шпион бежал из оккупированной немцами части Бельгии. Несколько дней перед своим бегством он лежал на чердаке и наблюдал за тем, как немецкие части грузились на поезд в некоем транспортном узле. Час за часом он записывал невидимыми чернилами на жиронепроницаемой бумаге номера вагонов и виды войск, размещенных в них, и пересчитывал погруженные пушки. Наконец, когда у него оказалась вся необходимая информация, он завернул в эту жиронепроницаемую бумагу бутерброды с очень жирной ветчиной и положил сверток в подседельную сумку своего велосипеда; потом сел в седло и принялся крутить педали, направляясь в сторону границы с Голландией.

На границе люди стояли в длинной очереди на проверку документов, и он жевал свои бутерброды, пока медленно продвигался к пропускному пункту. Когда подошла его очередь отдавать свои документы на проверку, он аккуратно завернул в бумагу те бутерброды, которые не успел съесть, и у всех на виду положил их в подседельную сумку своего велосипеда. Офицер изучил его документы, обнаружил, что они в полном порядке, заглянул в подседельную сумку, чтобы посмотреть, не везет ли он там какие-либо письма, и пропустил его в Голландию. Через тридцать шесть часов он был уже в Лондоне, и мы проявляли то, что было написано на жиронепроницаемой бумаге.

Как я восхищался этим агентом и его бесстрашием! Рад сообщить, что он прошел войну вполне благополучно, и всего лишь несколько недель тому назад я встретил его в Клубе консерваторов.

В конце месяца мой болгарский язык был почти превосходным, и я готовился отбыть в Салоники. Незадолго до этого мы остановили нейтральное судно, перевозившее болгар из Соединенных Штатов, и имели причины предполагать, что один из них имеет важное задание. Болгары находились во дворце Александры, который был превращен в лагерь для интернированных гражданских лиц.

Было решено, что я проведу сутки во дворце как военнопленный, поэтому, будучи соответствующим образом экипированным (одетым в штатское платье и с подержанной сумкой, которую купил на Чаринг-Кросс-роуд и в которой были всякие мелочи, которые могли бы находиться в багаже пассажира третьего класса), я отправился во дворец Александры в автомобиле в сопровождении двух военных полицейских, которые думали, что я настоящий болгарин.

Задержанные во дворце Александры были пестрой компанией – немцы, австрийцы, болгары и турки, но в каком-то смысле они были состоятельными людьми, так как у многих из них имелись либо друзья, либо жены и родственники, которые благодаря своему британскому подданству не были арестованы и имели возможность навещать их.

Я нашел группу недавно задержанных болгарских пленных и сказал им, что со мной приключилось аналогичное несчастье по дороге в Копенгаген. Моя легенда гласила, что я – болгарин, рожденный в Америке, и решил вернуться на родину, чтобы выполнить свой долг. Тот человек, который меня особенно интересовал, рассказал мне, как надо вести себя на допросе, которому меня подвергнут, что я должен говорить и делать, а чего не должен. Он уже прошел все это несколько дней назад.

По истечении тридцати шести часов я уже знал его историю. Он должен был организовать новое отделение разведки в Скандинавии, которое должно было стать центром сбора, обработки и распространения информации, собранной его организацией в Америке, о покупке боеприпасов и оружия союзниками. Потом меня увели на допрос, и, разумеется, я больше не вернулся во дворец Александры. Через несколько часов я уже был в пути на Ближний Восток.

Глава 5

С гавани Салоники выглядели как город мечты. Город расположен на постепенно поднимающейся местности, и тогда, до пожара, его дома были всевозможных форм и цветов, а минареты выделялись на горизонте, как сахарные башенки на свадебном торте.

Синие воды Эгейского моря, казалось, отбрасывали необычный свет на город, и всегда ощущалось присутствие горы Олимп, появляющейся из облаков и продолжающей наблюдать за древними Фессалониками.

С борта корабля вся эта картина напоминала первый акт вестэндской музыкальной комедии с Гордоном Харкером.

На берегу это впечатление становилось почти реальностью. В первую очередь бросались в глаза британские, французские, итальянские, сербские, русские и греческие военные мундиры офицеров и рядовых, причем все они, за исключением англичан, носили ордена и знаки отличия. С этой массой людей, которая наводнила Салоники, смешивались греческие эвзоны (элитное пехотное подразделение греческой армии, само слово означает «хорошо подпоясанные». – *Пер.*) в своих белых мешковатых бриджах, причудливых тапочках из красной кожи и великолепных синих куртках. Вооруженные албанцы и черногорцы придавали особый колорит толпам на улицах своей одеждой всех оттенков красного и желтого цветов. Прибавьте к этому крестьян в национальных костюмах, пастухов в тулупах из овечьих шкур и меховых шапках, которые они носили независимо от градуса жары, и вы начнете получать представление о том, как выглядела любая площадь Салоник в то время, когда я туда приехал.

Половина населения города была представлена евреями-сефардами, которые бежали из Испании и Португалии в XV в. от преследований, инициированных Фердинандом и Изабеллой. Если судить по их одежде, то они вполне могли быть выходцами из той давно ушедшей эпохи; женщины были одеты особенно красиво.

Остальное население составляли греки, турки, сербы, албанцы и болгары; и, когда их собиралось любое количество, они представляли собой неразумный и нечестивый сброд.

Многие из них выполняли разные поручения врага, и некоторые попали в руки военной полиции, были осуждены и, в конце концов, повешены. Эти суды были предельно справедливыми, чего жители Восточного Средиземноморья никогда не ценили и не понимали, привыкнув к более бесцеремонному обращению.

Кафе «Флокас», Белая башня и Одеон были главными местами встреч офицеров союзных войск и, как следствие, удачным местом для охоты всевозможных тайных агентов как мужского, так и женского пола.

Через несколько дней я был рад покинуть этот город ввиду назначения в XII корпус, штаб которого находился в нескольких милях от города по дороге на Лембет.

В это время город Салоники находился на осадном положении, и были построены укрепления, известные как «птичья клетка», которые протянулись от залива Тинос до устья реки Вардар.

Я был занят сбором всевозможной информации, которую только было возможно получить за вражеским расположением войск, и готовил агентов, которые годились для роли шпионов. Это была непростая работа. Чаще всего люди, больше всего подходившие для шпионской работы, были совершенно неграмотными, и необходимо было учить их даже тому, как усваивать и запоминать собранную ими информацию.

Некоторые из них чувствовали себя в этой работе как рыба в воде и, вернувшись из расположения болгарских войск, могли больше часа без остановки рассказывать о том, что видели.

Информация излагалась приблизительно в такой форме: «В такой-то деревне размещен 22-й полк; говорят, что в этом районе очень мало продовольствия, вследствие чего там зреет

некоторое недовольство. Также очень много больных, и за деревней недавно был организован новый госпиталь.

В двух километрах по дороге укрепляют мост через реку Н. таким образом, чтобы он мог выдержать вес тяжелых орудий. В восьми километрах отсюда строится новая летная площадка. Забавно, что они натянули над домами сети с воткнутыми в ячейки листьями».

Из такого донесения, если его данные подтверждались из других источников, делался вывод, что в этой деревне сосредоточено больше войск, чем можно снабдить продовольствием из местных источников, и вполне вероятно, что враг собирается использовать этот населенный пункт как центр и доставить сюда тяжелую артиллерию, и вражеская разведка беспокоится о том, чтобы наши аэропланы не засекли строящийся новый аэродром.

Время от времени мне удавалось добыть грамотных агентов. Эти, разумеется, приносили больше пользы, потому что могли доставить мне полученную информацию гораздо быстрее.

Неграмотный агент должен был отправиться на территорию противника и вернуться назад, а образованный человек мог проскользнуть через расположение вражеских войск с четырьмя – шестью почтовыми голубями, записать всю добытую информацию, положить листок в небольшую металлическую трубочку и привязать ее к лапке голубя; через несколько часов голубь появлялся в окне штабного чердака, где его хватал голубятник, извлекал сообщение из капсулы и отправлял мне. Голубь получал хороший корм и отдых, а несколько дней спустя отправлялся в путь с другим агентом.

Но не только местных жителей мы привлекали к ведению разведки. Был еще целый ряд армейских офицеров, которые великолепно вели эту работу.

Одним из них был капитан Дж. – выдающийся человек, который получал удовольствие, всячески изменяя свою внешность, и вкладывал всю душу в каждый свой образ. Мы все знали, что он превосходит всех в этой форме деятельности, но он всегда заботился о том, чтобы никто из нас не видел его переодетым.

Он исчезал на целые дни, а затем возвращался с самой точной информацией; но никто ни разу не видел, как он уходит или возвращается. Кое-кто из нас подшучивал над ним, дескать, мы-то знаем, что он никогда сам не уходил за линию фронта, а использовал агентов для выполнения своих заданий и оставался с какой-нибудь привлекательной чаровницей в Салониках.

Один раз после такой шуточки он сказал: «Держу пари, что могу пройти мимо вас в определенный промежуток времени в определенном месте, и никто из вас меня не узнает». Пари было немедленно заключено. Проигравший должен был оплатить первоклассный ужин с шампанским и сигарами в Белой башне. Капитан Дж. гарантировал, что пройдет в определенном месте по дороге на Серес между восемью и девятью часами вечера в определенный день.

В тот вечер, когда капитан Дж. должен был выполнить условия пари, полудюжина из нас заняли свои позиции на дороге на Серес – главной дороге, которая вела на британский участок фронта. По ней проезжали армейские грузовики, машины Красного Креста, походным маршем проходили войска, вереницы мулов, мчались связисты на мотоциклах и штабные автомобили. Втиснутым в этот военный трафик было движение гражданского населения. В основном это были македонские крестьяне, шедшие из одного населенного пункта в другой, но время от времени попадался и дюжий зажиточный крестьянин верхом на муле, за которым пешком шла его жена, в левой руке неся тяжелую поклажу, а в правой держа палку; ею она подгоняла мула, на котором ехал ее муж и господин. Еще проходили караваны ослов, принадлежавшие процветающим македонским торговцам или лавочникам. Маленькие шелудивые ослики везли огромные кувшины подсолнечного или оливкового масла, подвешенные у них по бокам, или ковриковые мешки, набитые овощами. Некоторые из них везли герметично запечатанные жестянки с бензином, а в других таких жестянках с уже сорванными крышками была вода.

Мы пристально разглядывали всех, кто проходил мимо, выискивая среди них капитана Дж. Раз или два мы заподозрили иностранного офицера и даже греческого жандарма, но каждый раз мы ошибались.

Вскоре на дороге появился еще один такой караван. Владельцы этих ослов были известны своей жестокостью, и, когда этот караван проходил мимо нас, мы увидели, что хозяин погоняет бедных осликов длинной палкой с ржавым гвоздем на конце. Бока двух осликов сочились кровью. Проходя мимо нас, погонщик злобно ткнул одного из них, и один из нас с негодованием выхватил у него из руки эту палку и дал ему хороший пинок под зад.

Вскоре солнце село, и мы были абсолютно уверены, что по какой-то причине капитану Дж. не удалось пройти по дороге, и что мы отлично поужинаем за его счет.

Поздно вечером явился Дж., который был радостно встречен сообщением о том, что с него ужин. Он уверил нас, что мы ошиблись, и он прошел мимо нас. Мы потребовали, чтобы он это доказал.

– Я могу запросто доказать это, – сказал он, – потому что едва могу сидеть из-за того пинка, которым вы меня наградили, когда я подгонял Недди, проходя мимо вас.

Капитан Дж. был погонщиком того каравана ослов.

К сожалению, годом позже он погиб в одной из своих вылазок под тяжелой бомбежкой, устроенной болгарскими войсками, когда пытался проникнуть в расположение их войск.

Глава 6

С января до марта 1916 г. на фронте под Салониками практически не велись бои. Союзные войска готовились выдвинуться перед «птичьей клеткой» и занять долину Струмы, которую в то время патрулировала конная бригада Южного Мидленда, являвшаяся нашим авангардом.

При короле Константине греки все еще сохраняли благожелательный нейтралитет. Долина реки Струмы была формально греческой территорией, и в этом регионе были расположены пять греческих дивизий чисто с теоретической целью охраны греко-болгарской границы. Ситуация почти как с островами Гилберта.

Будучи официально приписанными к конной бригаде, но на самом деле действуя абсолютно независимо, я и лейтенант Л. перемещались по долине реки Струмы. У каждого из нас были конюх и денщик и один выучный мул, на котором мы возили наши припасы, фураж и снаряжение. Мы ни разу не заснули на протяжении двух ночей подряд в одном и том же лагере, постоянно находились в движении, наблюдая за греками и местными селянами, и всегда были в курсе того, что происходит по ту сторону границы в Болгарии.

То время в марте и апреле, когда зацветали лесные и луговые цветы, миндаль и фруктовые деревья и эта долина превращалась в картинку из летнего сна, прошло и сменилось палящими лучами субтропического солнца к середине мая. Становилось все труднее совершать наше патрулирование, и мы начали отсылать донесения в штаб каждые три дня, а не ежедневно, как раньше.

23 мая командующий 10-й греческой армией генерал Бирас решил провести маневры в Сересе и любезно пригласил меня и лейтенанта Л. присутствовать на них.

Я получил разрешение из штаба, в котором мой начальник заметил, что, по его предположению, на этих маневрах мы встретим турецких, болгарских и немецких офицеров в качестве гостей командующего греческой армией. Он хотел, чтобы мы вели себя максимально корректно и по возможности присутствовали на этих маневрах безоружными, за исключением сабель. Прохладным вечером двадцать второго мая мы выехали из Орлжека в Серес (расстояние около двадцати километров) и переправились через Струму по Копривскому мосту.

Около трех часов утра мы разбили лагерь приблизительно в четырех километрах от Сереса и заснули на несколько часов, после чего наши кони были приведены в порядок, головные уборы начищены, а снаряжение отполировано специальным образом. Мы решили оставить в своем лагере денщиков и отдали им свои винтовки, револьверы и боеприпасы. С полевыми биноклями на груди безо всякой военной амуниции, за исключением сабель, притороченных к седлам, мы выехали в Серес.

Серес – это восточная деревня, один из центров выращивания турецкого табака, где находятся большие его склады. Эта деревня была местом сражения между сербами и болгарами в 1913 г., так что часть ее все еще стояла в руинах.

Мы подъехали к штабу, где греческий дежурный офицер был назначен нашим сопровождающим на время маневров. Мы пообедали с главнокомандующим и штабными офицерами, очень любезно отнесшимися к нам за столом. Не думаю, чтобы главнокомандующий знал, что последние три или четыре месяца я вел его досье и из различных источников знаю очень многое о его переписке и личных мнениях. С многочисленными извинениями он объяснил, что не сможет развлекать нас в тот вечер за ужином, и мы были приглашены отужинать с начальником артиллерийского штаба.

Как велика была моя радость, когда я обнаружил, что жена этого офицера – русская, жила в Санкт-Петербурге и познакомилась со своим мужем, когда он приехал с визитом в Россию. Это дало мне чрезвычайно ценного союзника в лагере; и, хотя эта дама не выдала ничего,

связанного с работой ее мужа или армией, мне было совсем несложно в ходе разговора сделать свои собственные выводы о происходящем.

Маневры начались в пять часов на следующее утро. Понятное дело, вокруг главнокомандующего постоянно находились два немецких офицера, четыре или пять болгарских и два турецких со своими ординарцами. И к своей огромной радости, я заметил, что один из них был вооружен до зубов. Но тогда я ничего не сказал по этому поводу. Мы подъехали верхом к генералу и приветствовали его, а затем и присутствовавших иностранных офицеров, которые педантично ответили на наше приветствие.

Маневры были делом несложным и являлись ширмой для событий, которые происходили за кулисами. Был проведен смотр пехоты, кавалерии и артиллерии, который закончился маршем, а затем в полдень был устроен обед под деревьями в нескольких милях от Сереса.

Я воспользовался этой возможностью, чтобы обратиться к старшему адъютанту с крайне вежливым, но весьма решительным протестом против нарушения этикета другими офицерами нейтральных держав, которые носили при себе оружие. Адъютант, очень смущенный, пообещал сообщить об этом факте генералу.

На следующее утро должен был состояться особый смотр артиллерии, и, когда мы прибыли на место встречи, я с радостью увидел, что ни у одного иностранного офицера не было при себе оружия. Но если бы взгляды могли убивать, то я должен был бы умереть от ледяных взглядов, которыми меня смерили двое немецких офицеров.

Маневры должны были закончиться в тот же вечер, и мы ни разу не заговорили со своими врагами, а враги – с нами. Должен добавить, что греческие штабные офицеры были очень тактичны и за каждым приемом пищи усаживали парочку греческих офицеров между офицерами враждующих армий.

В тот вечер после окончания маневров мы покинули греческого главнокомандующего, а я отправился засвидетельствовать свое почтение хозяйке предыдущего вечера – этой русской даме. Я нашел ее в слезах и очень взволнованной. Ее муж только что получил приказ отправиться в Демир-Хисар – городок у подножия Рупельского перевала, который являлся ключом к равнине Струмы. Ее муж был настроен антигермански. Он знал, что в Афинах был отдан приказ пропустить болгар через перевал и позволить им ступить на греческую территорию. Это означало, что Греция в любом случае рано или поздно вступит в войну либо на стороне Центральных держав, либо на стороне Антанты.

Я, как мог, утешил бедную женщину, поспешил разыскать лейтенанта Л., и мы вместе с ним без промедления выехали в свой лагерь у Сереса.

Мы сразу же отправили одного из наших денщиков с зашифрованными сообщениями в Орлжек, где на нашем передовом посту территориальной добровольческой части имелась телеграфная линия связи со штабом. А затем после очень короткого отдыха тронулись в направлении Рупельского перевала. Впереди нас шли две греческие бригады горной артиллерии, за которыми мы наблюдали тем утром. В любой момент их пушки могли оказаться повернутыми против нас на Струме.

Приблизительно в час ночи мы остановились на ночлег. Все мы здорово устали, и я поставил будильник на своих наручных часах на три утра и уснул, положив на них голову.

Сразу после восхода солнца мы разожгли небольшой костерок и приготовили чай, который вместе с глотком рома был очень кстати. Затем мы продолжили движение в сторону Демир-Хисара. Продвигались мы, естественно, очень медленно, так как должны были «срисовывать» каждую деревню, к которой подходили. Этот маневр состоит в том, чтобы подскочить на рысях к деревне с хорошей скоростью, затем внезапно остановить коня, развернуться назад и галопом пуститься прочь в обратном направлении. Если в деревне есть вражеские силы или приготовлена засада, то десять к одному, что немедленно будет открыт огонь.

Приблизительно в шесть часов мы уже знали, что не гонимся за химерами и что греки пропускают болгаро-германскую армию через Рупельский перевал, так как нам повстречались первые беженцы из окрестных деревень, спасавшиеся от армии вторжения.

Беженцы в военное время ведут себя одинаково во всем мире. Они нагружаются самыми бесполезными вещами и держатся за них с риском для своих жизней. Помню одного старика, толкавшего перед собой тяжелую тачку, в которой лежал вполне обычный кухонный стол. Он катил эту тачку под палящим солнцем по ухабистой сельской дороге без покрытия. Рядом с ним шагала молодая женщина с младенцем, привязанным к спине платком. В правой руке она несла за ноги головами вниз двух живых кур, а в левой держала маленькую жестяную тарелочку, на которой лежали два яйца и яблоко.

Почему тачка и стол и зачем им все это было нужно вместе с жалкой жестяной тарелочкой с двумя яйцами и яблоком?

Это был один из сотен эпизодов. Тяжелые предметы, казалось, имели особую притягательность для беженцев.

Большинство этих людей проходили мимо нас без каких-либо признаков узнавания, и, казалось, им было совершенно все равно, из чьей мы армии. Я поспрашивал некоторых из них, пытаясь получить какую-либо информацию, но они немного могли рассказать. Когда болгары вторглись в долину Струмы в 1913 г., происходили серьезные эксцессы. Селяне не забыли об этом и теперь бежали, спасаясь от нового вторжения.

По мере того как солнце поднималось все выше, становилось все жарче. Дул ветер из Варды, который нес горячий и сухой воздух с мельчайшими частицами пыли и песка, проникавший через одежду к телу. А лошадей и всадников одинаково донимали всевозможные жуки, букашки, комары и мошки. Это, я думаю, было для нас самой большой пыткой.

Наконец вдаль показался Демир-Хисар. Приблизительно в километре от города мне повстречался первый греческий солдат, которого мы увидели в тот день. Оказалось, что он жил в Чикаго и хорошо говорил по-английски. От него я узнал, что Демир-Хисар все еще находится в руках греков, но авангард болгар уже прошел перевал, ступил на греческую территорию и оккупировал деревни к западу от перевала с целью формирования фланга для основных сил армии вторжения, которая должна пройти перевал сегодня вечером.

На карте можно увидеть, что Рупельский перевал – это единственное «окно» в горной цепи Белашица, и без этого эпизода, который выглядел как предательство со стороны греков, немецко-болгарская армия никак не смогла бы попасть в долину Струмы.

За Демир-Хисаром мы увидели крепость Рупель – ключевой пост у перевала, но над ним уже не развевался греческий флаг.

После недолгого отдыха и совещания я и лейтенант Л. решили, что проникнем в Демир-Хисар, и оставили двух наших ординарцев с донесениями и указаниями двигаться назад в Орлжек, если к закату солнца мы не вернемся.

Мы ничем не рисковали и въехали в город с револьверами наготове. Нас остановил греческий часовой и сказал, что нам нельзя появляться в городе. Мы потребовали встречи с комендантом, и после небольшого ожидания нам разрешили пройти к нему в кабинет.

Он был чрезвычайно груб и сказал, что, по его расчетам, город должен быть вот-вот оккупирован болгарской армией, и если мы немедленно не уберемся из него, то он арестует нас и передаст немцам.

Я с улыбкой спросил его насчет нейтралитета Греции, и он ответил, что это все в прошлом и он благодарит Бога за то, что Греция вступила в войну на стороне победителей, а мы, англичане, очень скоро окажемся на своих кораблях, которые, несомненно, будут потоплены в заливе Салоники немецкими субмаринами, специально нас там поджидающими.

Как хорошо встретить такого милого человека в конце утомительной поездки верхом!

Мы вернулись к своим ординарцам и решили, что направимся к стене гор, которая тянется к востоку от Демир-Хисара, откуда нам откроется отличный вид на перевал и долину Струмы.

Как только мы достигли этого горного хребта и сумели найти для себя и своих коней хоть какую-то тень, впервые поели в этот день, а затем я и лейтенант Л. стали по очереди наблюдать за перевалом, пока остальные спали.

Глава 7

Около шести часов лейтенант Л. разбудил меня и сообщил, что увидел большое войсковое соединение, идущее маршем по перевалу.

Мы навели свои бинокли на дорогу и выяснили, что это были греческие войска, возвращавшиеся из Рупельских крепостей. Они прошли мимо Демир-Хисара и встали лагерем в долине у подножия горного хребта, на котором мы находились.

Вскоре за ними последовали три или четыре батальона болгарских войск и кавалерийский полк, а затем дорогу заполнили автомобили и вестовые; это был, как мы правильно предположили, штаб прибывающей армии. В бинокли мы видели, как автомобили останавливаются у Демир-Хисара, и греческие штабные офицеры выходят, чтобы приветствовать оккупантов. Батальон болгарских войск вошел в Демир-Хисар и выставил по всему городу дозорных.

Мы знали, что сильно рискуем быть отрезанными от своего канала связи, и если мы не будем очень осторожны, то нас, несомненно, возьмут в плен. Однако информация, которую мы получали, была настолько важной, что наше максимально долгое пребывание на своей позиции было оправданным.

Болгарская армия, похожая на огромную змею, прошла колонной через Рупельский перевал. Батальон следовал за батальоном, разворачиваясь справа и слева по мере того, как они достигали долины и дислоцировались по берегам Струмы. Были разожжены бивачные костры, и перед нами предстала удивительная картина армии в полевых условиях, которая очень сильно отличалась от армии в окопах.

Тем временем в греческих войсках началось шевеление. Явно происходила подготовка к какому-то построению. По-видимому, один батальон отказался в нем участвовать, и туда пошли офицеры других батальонов. Затем произошло что-то вроде совещания офицеров. Наконец несговорчивый батальон, очевидно, согласился участвовать в построении, и через десять минут греческий генерал уже обращался к собранным войскам.

Это было похоже на просмотр немого кино. Мы прекрасно все видели в бинокли, но воображению приходилось додумывать, каким образом будет развиваться эта драма.

Как только греческий генерал закончил свое обращение и войска вернулись к своим бивачкам, я оставил лейтенанта Л. продолжать наблюдение за перевалом и тихо ускользнул, чтобы выяснить, в чем там было дело.

Первая встреченная мною группа солдат собирала хворост для костра и казалась вполне дружелюбной, но они меня все никак не могли понять, пока один из них (когда я предложил немного денег) не пообещал привести кого-нибудь, говорящего по-английски. Вскоре он вернулся с мужчиной, который раньше жил в Канаде и работал на строительстве последнего участка трансконтинентальной железной дороги канадской железнодорожной компании «Гранд транк» до города Принс-Руперт в провинции Британская Колумбия.

Это помогло нам наладить контакт, и я быстро узнал от него, в чем там было дело. Оказалось, что значительная часть греческой армии – хоть в ней и царили антисоюзнические настроения – была крайне недовольна тем, что болгарам разрешили войти в долину Струмы, и греческое командование освободило для них крепости на Рупельском перевале. Некоторые были настолько решительно настроены, что хотели воевать с болгарами и выдворить их за пределы границы, пока еще есть время. Генерал, выступивший с обращением к войскам, объяснил, что они действуют согласно приказу из Афин и что греческая армия отойдет к Сересу. Но в греческом лагере царил сильное недовольство.

Я сказал своему информатору, что иду в Салоники, – это было направление, абсолютно противоположное тому, где находился наш лагерь. Быстро приближалась ночь, и, дав греку

пятидесятидрахмовую банкноту, я скрылся в указанном ему направлении. Как только я удостоверился, что за мной никто не идет, в обход возвратился к лейтенанту Л.

С нашей позиции на горном хребте нам были превосходно видны и болгарская армия, и греческие войска, так как теперь их позиции были помечены тысячами маленьких костров, которые делали эту картину еще более живописной.

Я рассказал лейтенанту о настроениях, царящих в греческом лагере, и мы задумались над тем, не удастся ли как-нибудь обернуть это в нужное русло.

Мы вспомнили, что сделал Сталки в романе Киплинга «Сталки и компания», когда оказался осажденным в крепости на северо-западной границе между племенами малотов и хайхиинов, – он стал играть на одной стороне против другой. Мы ощущали, что тут есть аналогия с нашим собственным положением.

Наш план состоял в том, чтобы пробраться на левый фланг греческих войск, который находился ближе всего к болгарским войскам, и под покровом темноты открыть беглый огонь по греческому лагерю в праведной надежде, что греки, справедливо разгневанные тем, что они сочтут за вероломство болгар, нападут на болгарский лагерь, и между ними начнется хорошая потасовка.

Но хотя этот план и был вполне выполнимым, мы не знали, будет ли такая тактика оправданна, так как, возможно, это проникновение болгар в долину Струмы было частью плана союзников, которые разрабатывали свою собственную тактику. Мы также знали, что нам важно как можно скорее вернуться со своей информацией. Так что после очень долгого обсуждения мы решили, что нам не нужно пытаться осуществить свой коварный план.

К сожалению, мы были виноваты в одном большом упущении. Мы видели, как болгарская кавалерия прошла через Рупельский перевал, но не заметили, где они разбили свой лагерь, и нам внезапно пришло в голову, что они, вероятно, поставили маскировку, и у нас есть все шансы нарваться на болгарский патруль. Это заставило нас принять решение не возвращаться тем же путем, каким мы пришли, так как, очевидно, если болгарская и немецкая кавалерия патрулирует дорогу в Серес, то они будут вести наблюдение за мостом у села Коприва. Поэтому мы решили пройти мимо лагеря греческой армии и идти дальше, придерживаясь реки Струмы, перейти ее вброд как можно скорее, направиться в сторону села Порой и вновь переправиться через реку, чтобы вернуться в Орлжек.

В то время мы еще пользовались австрийской штабной картой долины Струмы, которая хоть и была лучшей из имевшихся в наличии, все же далеко не такой уж точной, и некоторые деревни находились от нас аж в пяти или шести милях.

К шести часам мы уже обошли болгарский фланг, но опасность наткнуться на вражескую кавалерию еще не миновала, и нам приходилось со всеми предосторожностями «срисовывать» каждую деревню, как мы это делали накануне.

Около полудня мы вошли в деревню, которая, как мы потом узнали, была на стороне болгар. Мы «срисовали» ее как обычно, и никто не сделал в нас ни единого выстрела, так что мы чувствовали себя вполне в безопасности, подъезжая к ней. Мы купили в деревне яиц и хлеба и отправились своим путем. За околицей деревни нам повстречались несколько рассерженных жителей, которые стали швырять в нас камни, а кто-то даже сделал пару выстрелов.

Так как в наши планы не входило ведение партизанской войны, и нам не было известно, какие силы нам противостоят, мы галопом ускакали прочь. К несчастью, один из брошенных камней попал мне в голову и сбил с нее шляпу из мягкого фетра с опущенными полями, а я не мог рискнуть и остановиться, чтобы поднять ее. От удара камнем у меня потекла кровь, накатила слабость, и по мере того, как поднималось солнце, его обжигающие лучи проникали через платок, которым я обвязал голову; самочувствие мое ухудшилось. Лейтенант Л. и двое ординарцев начали страдать от дизентерии еще до того, как мы покинули Серес. А у меня в добавление к моим другим болям начался приступ малярии.

Лошади были смертельно измотаны, и к вечеру у моей кобылы начались колики.

Последующие пять часов езды были сплошным кошмаром, и в конце этого дня я чуть не совершил убийство.

Солнце уже зашло, когда мы добрались до деревни Кавдалар. У нас не было ни малейшего шанса возвратиться в Орлжек к ночи, если мы не найдем проводника, так как мы обнаружили, что австрийская штабная карта совершенно ненадежна для той части страны, где мы находились.

Шатаясь, я вошел в деревенский постоялый двор – темную, маленькую хату-мазанку с парочкой столов и небольшим баром, освещаемым коптящей керосиновой лампой. В баре было человек шесть мужиков, и в воздухе висел тяжелый, кислый запах, характерный для невымытых крестьянских тел. Я дал понять, что мне нужен проводник до Орлжека. Один из присутствующих, особенно неприятного вида грек, сказал, что сможет стать нашим проводником, если я угощу его друзей-комитаджей спиртным. Комитаджи – это крестьяне-разбойники, которые скитаются по Македонии и имеют неприятную привычку сначала стрелять, а затем задавать вопросы.

Я проявил слабость и выставил угощение.

Мой грек-проводник попросил второй стакан. И, наверное, я был настолько измотан, что выполнил его просьбу; а затем он потребовал еще, и я заплатил еще раз.

– Пошли, нам пора, – сказал я. Он злобно посмотрел на меня, презрительно плюнул на пол и доверительно сказал мне, что будь он проклят, если поведет англичан в Орлжек.

Я вышел из себя. Достал револьвер, уперся дулом ему в спину, изо всех сил пнул его в сторону двери и продолжал пинать по дороге.

Поступать так было безумием, так как я запросто мог получить полдюжины пуль себе в спину от комитаджей.

Но мне было все равно, и я никогда не смогу понять, как в ярости не убил этого грека. Могу объяснить это только тем диким удовольствием, которое получал от того, что жестоко пинал его.

Лейтенант Л. сказал, что никогда еще не видел ничего столь неприятного и при этом столь смешного, как моя злость.

Я заставил этого грека идти у своего стремени, при этом в течение первого часа пути ствол моего револьвера упирался сзади в его шею.

Затем лейтенант Л. взял на себя заботу о проводнике, и около полуночи мы незаметно вошли в Орлжек и начали передавать свои депеши в подразделение связи для отправки телеграфом в штаб.

Когда последнее слово было написано, мы просто рухнули и проспали до позднего утра следующего дня.

Глава 8

На следующее утро наш маленький лагерь являл собой грустное зрелище, когда мы попытались построиться. Состояние лейтенанта Л. из-за дизентерии сильно ухудшилось, и он едва мог стоять. Два наших ординарца тоже были слабы.

Солнце, палящее через платок, нанесло мне легкий солнечный удар; помимо этого, я то дрожал от холода и не мог сдержать стук зубов, то страдал от высокой температуры, что было печальными симптомами малярии.

Бригадный ветеринар сказал, что мою лошадь следует пристрелить. К вечеру четверо из нас шестерых уже ехали в санитарной повозке в Салоники, и наша маленькая экспедиционная группа, сформированная как независимое подразделение для наблюдения за передвижениями противника в долине Струмы, распалась.

Те недели были одним из самых счастливых периодов моей жизни на войне. Трудности, муки, причиняемые мошкаррой, безжалостно палящее солнце, долгие часы в седле и головокружение оттого, что мои глаза всматривались в мираж, не были забыты, но слегка сгладились в моей памяти. То, что выделяется четко, это тихие прохладные ночи, проведенные под звездным небом; черные склоны гор, окружавших долину, с их заснеженными вершинами, освещаемыми серебряным светом луны; возбуждение от того, что приходится собирать информацию под самым носом противника; чувство товарищества, царившее в нашей небольшой группе; радость от съеденного ягненка, пожаренного на костре; и редкая похвала, полученная из штаба. Все это заставляет меня оглядываться на то лето с сожалением. Это было время, ушедшее безвозвратно.

Я провел в госпитале две недели, а после выписки был направлен в штаб разведки в Салониках. Это означало кабинетную работу, и, хотя сначала мне было это интересно, вскоре меня стала утомлять монотонность этой работы, и я уже хотел более активной деятельности.

Я чувствовал, что со своим опытом разведывательной работы мог принести больше пользы, если бы научился пилотировать аэроплан, и, к счастью, сумел убедить в этом своего начальника. И со временем я стал полноценным пилотом Королевского летного корпуса.

Одной из причин, побудивших меня вступить в Королевский летный корпус, была возможность доставлять наших шпионов на вражескую территорию.

Одним из моих первых пассажиров был Нико Коцов – сербский патриот, который уже девять или десять раз побывал на вражеской территории и всегда возвращался с очень точной и ценной информацией. Это был широкий в кости, высокий мужчина с длинной седой бородой и величественными манерами. Он носил национальную одежду, шапку из овчины и тяжелый домотканый коричневый плащ с капюшоном, и в его руке всегда был пастуший посох.

Нам была нужна информация из недоступной части страны, а так как она была нужна срочно, было решено доставить его туда на аэроплане. Мы сделали с ним пару тренировочных полетов, и, хотя ему не очень понравились эти полеты, он был полон решимости лететь. Он знал местность, где мы должны были приземлиться, и я объяснил ему, что мне нужна посадочная площадка по возможности такого же размера, что и наш аэродром.

Во время тренировочных полетов, когда мы летали низко, я просил его указывать мне площадки, которые, по его мнению, являются подходящими для приземления; и, если временами его суждения были ошибочными, в целом, по моему мнению, он понял общие требования к посадочной площадке.

При удачном стечении обстоятельств и при условии, что на вас не нападут вражеские истребители, лететь над незнакомой территорией совсем не трудно, но искусство посадки шпиона состоит в том, чтобы сделать это незаметно. Необходимо посадить человека и улететь неза-

меченным, поэтому эта операция проводится, как правило, перед восходом, после заката или в очень ясную лунную ночь.

Гаагские постановления о законах и обычаях войны были составлены еще до того, как человек научился пилотировать летательные аппараты, и, как следствие, в общих положениях о шпионской деятельности ничего не говорилось о пилотах, доставляющих шпионов на вражескую территорию. Но немцы и болгары объявили, что будут обращаться с пилотами аэропланов, высаживающих тайных агентов, как со шпионами и расстреливать их.

Это усиливало риск доставки шпиона за линию фронта, так как, если приземление будет неудачным и самолет разобьется, летчик шел на этот риск сознательно.

В то время авиация общего назначения еще не была настолько хорошо развита, как в наши дни, и у аэропланов не было аэродинамических тормозов для приземления на низкой скорости.

Однажды рано утром я забрал Нико из хижины, в которой он спал, и отвез его к ангару, из которого уже выкатили мою машину; она ждала нас.

Несмотря на выпитую большую кружку горячего кофе, мне было зябко.

Я снова достал карту и проложил курс вместе с Нико, который сказал мне, где я найду подходящую площадку для посадки; мы должны были прибыть туда незадолго до рассвета, когда будет достаточно света для приземления.

Когда мы забрались в кабину, сержант, ответственный за голубей, принес небольшую клетку с шестью нашими лучшими почтовыми голубями; в последнюю минуту на клетку был накинут фетровый чехол, чтобы они не замерзли на высоте, на которую мы должны были подняться.

Я завел мотор. Все было в порядке.

Я дал знак сержанту убрать тормозные колодки, и мы вырулили на темный аэродром. Я запустил двигатель на полную мощность, и мы поднялись в воздух.

Мне пришлось совершить крутой подъем, чтобы преодолеть горный хребет, и чем выше я поднимался, тем меньше мне нравилось предстоящее задание. Полет прошел без происшествий. Я выбрал различные цели, которые вместе с компасом служили мне ориентирами, и оказался над территорией, на которую мы должны были приземлиться в назначенное время.

Светало, и я сбросил скорость, чтобы двигатель работал на малых оборотах и мы могли приземлиться.

Мы быстро потеряли высоту, и я мог лишь слабо различать внизу посадочную площадку, которая казалась вполне подходящей. В качестве меры предосторожности я решил облететь ее еще разок. Внезапно я заметил, что все это поле, выбранное Нико для посадки, усыпано булыжниками. Приземляться на такое поле было бы самоубийством. Я снова поднялся в воздух и, когда оказался достаточно высоко, выключил двигатель, чтобы Нико смог услышать меня, и сказал ему, что площадка для приземления не годится. Он сказал мне, что я ничего не говорил ему о камнях, и он решил, что мы их перепрыгнем. Мы находились в машине В.Е.2Е, и единственным способом завести пропеллер было пикировать вертикально вниз. Сила воздуха должна была заставить пропеллер вращаться, и если все пойдет нормально, то двигатель должен был завестись. И я спикировал. Пропеллер начал вращаться, и мы снова набрали высоту.

Надежду на приземление в то утро пришлось оставить, но, так как светало очень быстро, я рассчитывал выбрать подходящую посадочную площадку для полета на следующий день и в бинокль разглядел высохшее русло реки, которое обещало быть отличным местом для приземления, и мы отправились назад на аэродром.

Нико был чрезвычайно удручен своей ошибкой и подумал, что я рассердился на него и спикировал нарочно, чтобы наказать его. Потребовалась пара часов тяжелого разговора и подробный рассказ об авиационных двигателях, прежде чем я смог убедить его, что я просто должен был спикировать, чтобы мотор завелся.

На следующее утро мы снова совершили полет, и я благополучно высадил своего пассажира. Через десять дней он прислал всех шестерых голубей, и по возвращении домой последнего голубя я забрал еще одну клетку с голубями и сбросил ее на парашюте над тем местом, где я высадил Нико. Эти голуби тоже благополучно вернулись домой. В общей сложности я переправлял Нико через линию фронта три раза.

Но не все мои пассажиры были столь же хороши, как Нико.

Однажды возникла необходимость перебросить шпиона через линию фронта до того, как я смог провести с ним тренировочный полет. Пассажиром был грек. Он с нетерпением ожидал полета и вел себя как хвостун.

Было хмурое утро с плохой видимостью, и по аэродрому носились порывы сильного ветра. Мое внимание было полностью занято взлетом и набором высоты. Мне пришлось подняться через четыре слоя облаков, а в те времена, когда летчик попадал в облако, он совершенно ничего не видел. В настоящее время существуют специальные приборы, облегчающие полет в облаках. Мы находились в воздухе полчаса, прежде чем у меня появилась минутка оглянуться, чтобы посмотреть, как себя чувствует мой пассажир.

А он оцепенел от ужаса. Его глаза вылезли из орбит, его сильно тошнило. Я улыбнулся и попытался подбодрить его, но это не помогло. Я не предполагал, что человека может тошнить так долго и постоянно. Я выбрал посадочную площадку, спланировал вниз и отлично приземлился, но, обернувшись, увидел, что мой пассажир в глубоком обмороке лежит ничком в кабине. Не годилось высаживать его в таком состоянии, так что я отправился назад на аэродром. Мой пассажир все еще был без сознания, и ничего не могло заставить его снова подняться в воздух после того, как он пришел в себя.

Еще одним моим пассажиром был человек по фамилии Петров, которому нравилось летать; и, даже когда он не должен был лететь за линию фронта, он приходил на аэродром и клянчил, чтобы его прокатили на аэроплане.

Однажды вечером перед закатом он забрался на свое место позади меня, ему дали клетку с голубями, и мы взлетели.

Он был веселым пассажиром и во все горло распевал сербские песни, и даже рев двигателя не мог заглушить басовые ноты, вырывавшиеся из его легких.

Эти полеты над Балканами были чудесными. Горы внизу выглядели как огромные волны, которые можно увидеть в Атлантическом океане.

Солнце только-только скользнуло за гору, и долина, в которой мы должны были приземлиться, погрузилась в тень. Я по спирали спустился вниз, чтобы быстро снизиться, и пролетел вокруг нашей посадочной площадки. Все, казалось, было спокойно, и рядом не было ни души – условия выглядели идеальными.

Очень часто идеальные условия – это ловушка и заблуждение! При приземлении мы наехали на борозду, и аэроплан сильно тряхнуло; но хуже всего было то, что остановился пропеллер.

В те времена единственный способ высадить лазутчика и благополучно взлететь после этого состоял в том, чтобы сбросить обороты двигателя, чтобы пропеллер просто продолжал вращаться. Как только лазутчик вылезал на землю, нужно было дать газ и снова взлететь. Когда я в первый раз делал это, моим кошмаром была остановка пропеллера, так как даже при хороших условиях раскручивание пропеллера было непростым делом, которое требовало большой сноровки.

При обучении пилотированию летчика обучали раскачивать пропеллер, и прежде чем получить квалификацию, летчик проходил испытания на практике. Я никогда не был хорош в этом деле главным образом из-за своего телосложения.

Я невысок, и у меня очень короткие руки. Я всегда был довольно энергичным, но все, что мог сделать, – это достать до пропеллера, не говоря уже о том, чтобы раскручивать его и не

попасть под удар его лопасти. Неспособность эффективно раскручивать пропеллер означает в девяти случаях из десяти, что пропеллер ударит раскачивающего его человека; многие при этом бывали сбиты с ног.

А здесь мы находились на вражеской территории, и пропеллер остановился. Петров выскочил из кабины и сразу же вызвался раскачать пропеллер; я показал ему, как это нужно делать.

В теории это совсем просто. Пилот кричит человеку, раскачивающему пропеллер: «Отключаю!», и этот человек вращает пропеллер, чтобы в цилиндры засосалось достаточное количество бензиновых паров. После этого пилот включает зажигание, а человек кричит: «Контакт!» – это сигнал к тому, что пропеллер нужно резко и быстро крутануть, после чего сделавший это человек должен отойти в сторонку.

В случае если двигатель по какой-то причине не заведется, человек, раскручивающий пропеллер, кричит: «Отключай!», и процесс начинается заново.

Минут десять слышны были наши голоса, кричавшие: «Отключаю – контакт – отключай!»

Но ничего не происходило, двигатель просто не заводился. От своих усилий Петров вспотел; я тоже был в поту – от страха.

Мы отдохнули минутку, затем я слез со своего места и пошел к бензопроводу и индуктору. С виду все было в порядке. Затем, к нашему ужасу, мы увидели в быстро сгущавшихся сумерках приближающийся кавалерийский патруль.

Петров сказал, что крутанет пропеллер еще разок, но прежде, чем делать это, мы решили выпустить почтовых голубей.

Согласно инструкции, мы должны были в случае возможного пленения немедленно избавиться от голубей, чтобы противник не смог использовать их с целью отправки информации для введения в намеренное заблуждение нашего разведывательного управления. Четыре голубя улетели. А затем Петров, словно одержимый демоном, принялся раскручивать пропеллер. Все равно ничего не получалось.

Кавалерийский патруль заметил нас. Думаю, сначала они решили, что это один из их собственных аэропланов. Потом, вероятно, у них возникли подозрения, так как они трусцой направились в нашу сторону. Внезапно мотор завелся. Петров обежал фюзеляж и запрыгнул на свое место. Кавалерийский патруль перешел на галоп, и мы услышали приказ остановиться. Я открыл дроссельную заслонку, и мы взлетели, но прежде, чем оторвались от земли, патрульные открыли по нам огонь. Их выстрелы были меткими, так как по возвращении на свой аэродром мы обнаружили в фюзеляже с полдюжины дырок от пуль.

И хоть связь посредством аэроплана, голубей и лазутчиков была быстрой, существовала еще система, используемая монахами с горы Афон, которая была еще быстрее при передаче новостей, чем любая другая система, придуманная разведывательными подразделениями. Иногда трудно было поверить, как быстро достигали до них важные вести, и я провел некоторое время в монастыре Святого Пантелеймона – прибежище русских монахов, и, пользуясь его дружеским приютом, пытался изучать обитателей Хиландарского монастыря (один из афонских монастырей. – *Пер.*), населенного сербскими и болгарскими монахами, среди которых из-за войны возникли существенные политические трения.

Но я так и не узнал, как поддерживалась быстрая регулярная связь между Афоном и вражеской территорией.

На горе Афон находится уникальная группа из двадцати монашеских общин, сгруппированных вокруг деревни Кайес; за исключением двух упомянутых монастырей, они были населены греческими монахами. Все монахи принадлежат к ордену Святого Василия Великого, и в целом братья дружелюбно относятся к посетителям-мужчинам, но ни одной женщине не разрешается ступить на перешеек. Все население – мужчины. Монахи настолько строги, что

не потерпят даже корову или козу в своих владениях. Такие продукты, как молоко, сливочное масло и яйца, к ним привозят извне.

Все монастыри укреплены, но укрепления стародавние и ветхие. Как правило, монастыри имеют большую четырехугольную закрытую территорию, на которой стоят церкви, дома, склады, и они изумительно выглядят с моря. Внутри этих четырехугольников хранятся драгоценные произведения византийского искусства и несколько редчайших рукописей мировой культуры. Но ничто не может сравниться с красотой самой горы Афон. Ее пик поднимается, как пирамида с высочайшей беломраморной вершиной, на высоту свыше шести тысяч футов над уровнем моря. На закате ее можно увидеть с долины Трои на востоке и со склонов горы Олимп на западе.

Но даже на это прекрасное, мирное, аскетически уединенное место война оказала свое влияние. Многие разведчики проводили здесь длинные выходные, с виду отдыхая и разглядывая достопримечательности, но на самом деле наблюдая за людьми и событиями.

Написав об Афоне, я вспомнил еще об одном религиозном уединенном месте, которое я часто посещал в Салониках. Это был дом сестер милосердия Святого Винсента де Поля, где более пятидесяти лет работала сестра Августина.

Сестра Августина была англичанкой, которая пережила войны и революции, побывала под властью и турок, и греков. Ничто на свете не могло ни удивить, ни потрясти ее; ее любили в равной степени и богатые, и бедные. Она была известна как «мудрая женщина из Салоник». Безусловно, она была одним из самых информированных людей на Ближнем Востоке и великолепным лингвистом. Ей было за восемьдесят, когда я ее знал, но она никогда не была ни слишком уставшей, ни слишком занятой, чтобы дать совет и помочь, когда мне нужно было знание местных условий.

Тем временем остатки сербской армии были переправлены с острова Корфу, переформированы в Салониках и теперь воевали с союзниками на македонском фронте. Через несколько недель Монастир (город в Тунисе. – *Пер.*) был отвоеван, и снова сербы оказались на родной земле и с упорной настойчивостью начали изгонять болгар из Сербии. Я временно работал в штабе сербской контрразведки.

Через два или три дня после захвата Монастира были схвачены двое болгарских шпионов. Состоялся военно-полевой суд. Было более чем достаточно улик против этих двух шпионов, которые направляли огонь болгарских батарей на определенные перекрестки дорог, пересекающие Монастир. Ранее болгары оставили полевой телефон, который был спрятан в подвале, и, пока один шпион наблюдал за движением на дорогах, другой ждал сигнала от своего товарища, а затем передавал по телефону на болгарские батареи данные, по какому месту и когда открывать огонь. И болгарские батареи хорошо поработали по этим перекресткам, прежде чем шпионы были схвачены.

Оба они были приговорены к смерти.

И хотя я бы предпочел пропустить это зрелище, мне необходимо было присутствовать на казни.

Перед побеленной стеной в землю были поспешно вколоты два столба, перед которыми был выстроен батальон в форме каре.

Мэру города и приблизительно четверемстам горожанам было приказано присутствовать при казни, и их провели перед войсками.

Полевые жандармы вывели шпионов на площадь. Расстрельная команда из двадцати человек была выстроена перед столбами. Пленным был зачитан приговор, и их спросили, хотят ли они что-нибудь сказать; и оба просто покачали головами. Затем сербский офицер зачитал имена и обвинения против двух лазутчиков гражданскому населению.

Расстрельная команда встала по стойке смирно. Лазутчиков подвели и привязали к столбам. Принесли два белых платка. Один пленный согласился, чтобы ему завязали глаза; другой отказался от повязки.

В воздухе повисла такая ужасающая тишина, что можно было слышать глубокое дыхание всех, кто стоял вокруг. Я видел, как два или три человека перекрестились. Командир расстрельной команды отдал приказ взять ружья на изготовку. Этот приказ прозвучал в неподвижном воздухе как свист хлыста.

«Да здравствует Болгария!» – сказал лазутчик, который отказался от повязки на глаза, почти обычным разговорным тоном.

Командир расстрельной команды поднял руку с платком и опустил ее. И прежде чем она опустилась, двадцать винтовок изрыгнули пламя, за которым, казалось, через долгое время затрещали выстрелы.

Фигуры лазутчиков обмякли и повисли на веревках; по ним и их одежде текла кровь. Стена позади них, еще белая минуту назад, покрылась отметинами от пуль и пятнами крови, как будто руку обмакнули в банку с красной краской и стряхнули краску на стену.

Расстрельная команда ушла. К столбам подъехал фургон Красного Креста, чтобы забрать тела. Я поспешил уйти оттуда, чтобы найти уголок, где никто не видел бы, что меня тошнит.

Эта казнь положила конец моему теоретическому образованию в области разведки, и теперь не было ничего такого, чего я не знал об этой работе.

Отнятие жизни у человека не может быть правильным, но в военное время, исходя из своего собственного опыта разведчика, я без колебаний заявляю, что тем, кто пойман как шпион, должен быть приведен в исполнение смертный приговор.

Глава 9

Впервые я встретил Венизелоса в Салониках. Он провел зиму и весну, пытаясь заставить короля Константина изменить свою политику благожелательного нейтралитета на полноценное участие в войне с союзниками. Но ему это не удалось. На этих страницах я не ставлю перед собой цель разбирать плюсы и минусы политики, которой придерживался Венизелос (Элефтериос Венизелос – греческий политический и государственный деятель, неоднократно занимавший пост премьер-министра Греции с 1910 по 1933 г. – *Пер.*), с одной стороны, и политики, проводимой королем Константином, с другой.

Несмотря на все, что происходило в Афинах, я был за Константина и против Венизелоса, и поэтому мои первые встречи с этим критянином были в чем-то испытанием.

Элефтериос Венизелос был когда-то никому не известным в Греции юристом. У него был темный цвет лица, волосы его уже начали седеть, а лицо портили довольно заметные бородки. Он ездил по Салоникам в лимузине и носил бросающийся в глаза цилиндр и необычный сюртук. Но несмотря на всю его чужаковатость, у него были очень умные глаза, убедительный, сочувствующий голос и ум, ост рый как бритва.

В начале октября 1916 г. он прекратил переговоры со своим монархом, учредил в Салониках временное правительство, которое несколько недель спустя было признано Англией и Францией, и издал воззвание, призывая встать под ружье всех греков, находившихся за пределами территории, занятой королевскими вооруженными силами. Эти греческие дивизии формировались и экипировались союзниками.

В качестве ответных действий роялисты уговорили архиепископа Афинского предать его анафеме, и он был отлучен от церкви со всей пышностью церемониала Греческой православной церкви.

Не думаю, что это как-то взволновало Венизелоса. Его ответом было формирование *Corps de la Sureté* (сыскная полиция) для защиты собственной персоны и временного правительства. Эта полиция со временем обрела большую власть и после отречения короля Константина от престола сыграла роль, очень схожую с ролью русской охранки и большевистской ЧК.

Похоже, политики имеют обыкновение создавать эти учреждения с честными намерениями, но рано или поздно оружие, созданное ими для своей защиты, становится средством их собственного свержения. Думаю, что Венизелос обязан своим падением тиранической деятельности *Corps de la Sureté* во время его поездки на Парижскую мирную конференцию.

Судьба распорядилась так, что мы с ним остановились в одном отеле в Париже во время работы мирной конференции; наши номера были соседними, и именно тогда я оценил его проницательность и понимание международных дел. Однажды я спросил его, что он почувствовал, когда узнал, что отлучен от церкви. Венизелос улыбнулся.

– Через год, – сказал он, – в том же самом соборе был отслужен благодарственный молебен за наше официальное вступление в войну на стороне союзников.

Через какое-то время я получил приказ отправиться в Египет и сел на военный сторожевой корабль, который шел в Александрию, но по пути заходил на различные острова в Эгейском море, а также однажды бросил якорь в Пирее, где военный наблюдатель Комптон Маккензи блестяще руководил разведывательным отделением, работавшим против немцев. По переписке я давно уже знал о его деятельности и восхищался тем, как мастерски он организовал работу своего подразделения. Но не из-за его военных успехов я с трепетом ждал встречи с ним, а из-за того, что он был автором романа «Скверная улица».

В Александрии я ждал новых распоряжений и коротал время, катаясь днем на роликовых коньках на местном катке. На второй день моего катания на площадке появилась стройная женская фигура, которая каталась с удивительными грацией и очарованием. Когда она проехала

мимо, я узнал в ней немку Минни Кляйн, занимавшуюся самым древним ремеслом в мире и являвшуюся одним из самых важных агентов Германии на Восточном Средиземноморье.

С огромным трудом мы выдворили ее из Салоник. Я написал «с трудом», потому что, несмотря на ее немецкую национальность, у нее был безупречный греческий паспорт, и нам удалось лишь удалить ее в Афины. Она была достаточно умной, чтобы не попасться физически, но подозрения в ее адрес были обоснованными, ведь у нее была великолепная возможность добывать информацию у офицеров, в равной степени старых и молодых.

Я понятия не имел, как она попала в Египет, но знал, что ей нечего было там делать. Я проявлял осторожность и старался не попадаться на ее пути, боясь, что она узнает меня и запаникует, но я никогда не выпускал ее из виду и послал сообщение начальнику военной полиции, который прислал офицера, передавшего Минни Кляйн вежливое приглашение посетить его канцелярию.

Минни была в сильном негодовании. Ее защита была почти убедительной. Но, увы, хоть она и изменила свое имя и паспорт, ей не удалось изменить свое лицо. Судьба была против нее, так как в распоряжении контрразведки в Салониках имелось ее фото. Когда оно прибыло в Александрию и ее личность была точно установлена, ее на корабле вывезли на Мальту и задержали там на все время, пока шла война.

Каир и Александрия были очагами интриг и международного шпионажа. Я был связан с человеком по имени Теоридес, который был тайным агентом на службе греческого правительства. Он контролировал банду головорезов, которые слонялись по базарам и занимались всевозможной нелегальной деятельностью. Именно Теоридес впервые рассказал мне о великолепной работе, которой занимался один англичанин, проживавший под личиной араба; это был полковник Лоуренс Аравийский.

Однажды я встретился с Лоуренсом, когда находился в Каире. Это был спокойный, сдержанный человек, и лишь от его коллег и моего приятеля-головореза Теоридеса я узнал о его работе. Впоследствии, находясь годом позже в России, я пытался применить кое-какую тактику против немцев, которую полковник Лоуренс использовал против турок.

Другим человеком, с которым я провел много часов в Египте, был Линкевич – русский революционер, высланный из России, который зарабатывал себе на жизнь окольными путями. Он был помешанным фанатиком, но очень хорошо информированным и знал обо всем, что происходило в Каире. У него также имелись некие тайные источники информации, и он сообщил мне об отречении русского царя от престола и установлении революционного правительства в Петрограде через несколько часов после произошедших событий. Это случилось за два дня до того, как до штаба и египетской прессы дошли об этом официальные телеграммы. Но я так и не узнал, как он получал свою информацию.

Глава 10

Когда в июле 1917 г. я был в отпуске, внезапно получил распоряжение присоединиться к миссии Королевского летного корпуса в России. Я с радостным сердцем покинул вокзал Кингз-Кросс на полночном поезде, отправлявшемся в Абердин, чтобы узнать, каково реальное положение дел в новой, незнакомой мне России. Ранним утром следующего дня поезд пересек Форт-бридж. Под нами простирался Великий флот, а в воздухе висели аэростаты слежения, с которых велось непрекращающееся наблюдение на тот случай, если немецкая субмарина так или иначе сумеет проскользнуть в Форт-бридж. Мост находился под надежной охраной, и мне было интересно, сколько дал бы германский тайный агент за возможность провести на нем час.

В Северном море бушевал ужасный шторм, и, когда я прибыл в Абердин, он сотрясался от шквалистого ветра. Мы явно были обречены на переправу в такое ненастье. Плохая погода затрудняет действия подводной лодки, и я был рад, что риск быть торпедированным на корабле сводился к минимуму. Конечно, всегда существовал риск напороться на плавучие мины – ужасная вещь, которую можно встретить в бурном море, – но после гибели броненосного крейсера «Хэмпшир», произошедшей более года тому назад, когда лорд Китченер и весь личный состав корабля, кроме полудюжины служащих, погибли по пути в Россию, были приняты чрезвычайные меры предосторожности.

По-моему, судно, на котором я переправлялся через пролив, называлось «Юпитер», но я не уверен. Во всяком случае, это был похожий на яхту паром с очень низкой посадкой, у которого была репутация быстроходного судна. Паром показался мне слишком маленьким, чтобы выходить в море в такой шторм, который бушевал за пределами гавани.

На борту собралась необычная компания пассажиров, среди которых были русские и еврейские политики, жившие в ссылке в Соединенных Штатах, а теперь благодаря краху царизма возвращавшиеся в Россию. За исключением корабельной команды, все были в штатском. На борту судна также были несколько британских офицеров и офицеров союзнических армий, но, так как мы должны были ехать через нейтральные страны в Россию, мы не могли носить военную форму.

Моя военная форма, сабля, револьвер и снаряжение были заколочены в деревянные ящики, на которых были наклейки «Хапаранда – Торнио» (названия шведско-российских пограничных постов). Отправка военного снаряжения в ящике таким манером не являлась нарушением нейтралитета Скандинавских стран.

Мы медленно плыли к волнорезу прямо в пасть шторма, а затем помчались через Северное море к Бергену (второй по величине город в Норвегии. – *Пер.*). Это было одно из самых худших среди многих тяжелых морских плаваний в моей жизни. Миловидная девушка, с которой я познакомился в поезде по дороге в Абердин, теперь превратилась в маленькую несчастную развалину, которая лежала на небольшой кушетке и стонала, обращаясь к стюардессам: «О, пожалуйста, пожалуйста, пусть меня бросят за борт». Какое было облегчение, когда мы приплыли к Бергену и оказались в закрытом фьорде! На ночном поезде я доехал до Христиании; мне повезло, так как я достал для себя одно из немногих спальных мест. Из Христиании я поспешил в Стокгольм, где должен был оставаться одну неделю.

Экономическая ситуация в Швеции была очень напряженной. Как хорошие коммерсанты, шведы продали во второй год войны большую часть своих продовольственных запасов Германии по очень выгодной цене, но теперь, хотя денег было в изобилии и сундуки коммерсантов были полны ими, оказалось, что они не могут купить продовольствие для себя из-за блокады союзниками. Если Швеция предпочла продавать свое продовольствие Германии, то это было ее дело, но союзники не могли позволить ей пополнять свои запасы из-за границы за их счет. Из-за блокады к англичанам в Стокгольме не испытывали большой симпатии.

Шведы не были подсознательно настроены пробритански, как норвежцы. До войны у них были самые тесные экономические отношения с Германией. Веками Швеция выступала против России, и недобрые чувства, существовавшие между двумя странами, не улучшились благодаря интригам германских дипломатов и тайных агентов.

Одна из главных разведывательных организаций Германии находилась в Стокгольме, и в этом городе было полно шпионов, которые вели наблюдение за железнодорожными вокзалами, гостиницами, ресторанами и ночными клубами. Конечно, союзники тоже имели свои разведывательные организации, следившие за немцами; они использовали Стокгольм как базу для наблюдения за германским побережьем и проверки на прочность установленной блокады. Главные агенты всех этих разведок должны были выполнять свою работу, не нарушая нейтралитет Швеции и не задевая ее чувства, и все время старались умиротворить шведские власти.

Нейтралы, выезжавшие из Германии, могли рассказать о том, что происходило в этой стране днем раньше. Гамбургские, кёльнские и берлинские газеты появлялись в городе менее чем через двадцать четыре часа после выхода из типографии; их внимательно изучали различные разведывательные организации. Не раз германская разведка пользовалась этим и печатала специальные выпуски одной из главных газет, в которых публиковала информацию, рассчитанную на то, чтобы ввести в заблуждение и дезинформировать штабы союзников. Я остановился в отеле «Гранд» – одной из самых роскошных гостиниц в Европе; ее зимние сады были забиты публикой двадцать четыре часа в сутки. Казалось, никто в те дни не ложился спать.

Как только я зарегистрировался в отеле и показал свой паспорт для установления своей личности, за мной стали следить германские агенты. В первый раз, когда я вышел из своего номера, кто-то сумел проникнуть в него и осмотреть мои бумаги и багаж. Разумеется, гостиничная администрация не знала об этих периодических вмешательствах, иначе прекратила бы их немедленно. Но менее значительным агентам тайных служб приходится идти на такой риск и овладевать искусством профессионального взломщика, чтобы пробраться в номер и выйти из него незамеченным.

Меня заранее предупредили, что мои вещи будут досматривать, и я позаботился о том, чтобы не оставлять в номере ничего такого, что могло бы представлять хоть малейшую важность. Сознание того, что за тобой следят, вызывает очень неприятное чувство; это здорово действует на нервы. Через короткое время ты уже знаешь соглядатаев в лицо и начинаешь их ненавидеть. Время от времени ты чувствуешь, что избавился от слежки, а затем внезапно, когда ты меньше всего ожидаешь этого, один из шпионов появляется снова. Видные общественные деятели, за которыми присматривают детективы ради их собственной безопасности и защиты, начинают питать отвращение к своим защитникам и зачастую с готовностью идут на риск быть убитыми ради освобождения от наблюдения на несколько часов.

Однажды днем, войдя в вестибюль отеля, я заметил громилу, следившего за мной. Он разговаривал с человеком, стоявшим ко мне спиной, в котором, когда он повернулся ко мне лицом, я узнал Ганса Гартвига, российского подданного немецкого происхождения, которого знал много лет назад, когда учился в школе.

В вестибюле было полно людей, но мне удалось занять небольшой столик и заказать кофе. Через одну-две минуты один из старших официантов, который, как я знал, был немецким агентом, очень вежливо спросил меня, не разрешу ли я другому господину сесть за свой стол. Я дал свое согласие и засмеялся про себя, когда увидел, что ко мне ведут Ганса Гартвига.

Мне было интересно, узнает ли он меня. Но он не узнал. У него было новое имя. Он был не Ганс Гартвиг и даже не немец. Он научился прекрасно говорить по-английски и пришел к моему столику специально, чтобы вступить со мной в разговор. Разумеется, сказал, что он швед и симпатизирует британцам.

Он вел себя очень умно, но это был тот случай, когда рыбак встретил рыбака, однако небольшое преимущество было на моей стороне, ведь я узнал его и был настороже. Два или три дня он пользовался всякой возможностью поговорить со мной, и мы даже обедали вместе.

Я зашел в британское консульство и засвидетельствовал свое почтение британской дипломатической миссии. Из-за каких-то проблем на российской границе во время Корниловского мятежа мне было необходимо пойти в российское консульство и в дом российского военного атташе, прежде чем уехать в Петроград. Во все эти места за мной тенью следовал мой отвратительный соглядатай. Ганс Гартвиг тоже решил, что меня стоит «разрабатывать», и пригласил меня однажды вечером на ужин: «Всего лишь небольшой ужин на четверых. Мне доставит огромное удовольствие, если вы станете моим третьим гостем». Следующий день был последним днем моего пребывания в Стокгольме перед поездкой на север, и я с радостью согласился. Разумеется, Ганс не знал, что я уезжаю. На следующий вечер, как мы договаривались, я спросил, за каким столом он сидит, и увидел, что это уединенный стол, стоявший в одной из ниш огромного ресторана. Поднявшись мне навстречу, он рассыпался в сожалениях, что другая дама не смогла в последний момент прийти на ужин и он сам должен рано уйти, но не смогу ли я после его ухода развлечь даму, которую он собирается мне представить.

Разумеется, план состоял в том, чтобы оставить меня вдвоем с женщиной в надежде на то, что ей удастся вытащить из меня информацию, которую Ганс не мог выудить у меня сам. Это одна из старейших уловок, применяемых секретными службами. Он представил меня мисс Ирме Йохансен, очень красивой женщине в изысканном наряде.

Но дело в том, что, хотя Ганс считал мисс Йохансен одним из своих лучших агентов, он сильно ошибался. На самом деле она была одной из наших «звезд» на службе британской разведки и работала в нашей контрразведке.

Ганс заказал хорошо продуманный ужин. На столе были лобстер, цыпленок, мороженое с ломтиками ананаса и взбитыми сливками, с которым мы пили великолепное ледяное марочное вино «Молоко любимой женщины». Когда подали кофе мокко, Ганс попросил его извинить. Он, безусловно, был очень милым хозяином и подумал обо всем. Он отдал распоряжение метрдотелю подать нам ликерные конфеты, фрукты и бутылку шампанского «Мамм», чтобы мы остались довольны вечером, и умолял меня заказывать за его счет все, что мы захотим; и затем он ушел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.